

Яна Дружинина

*Церион, или
Холодный,
но прекрасный мир*

Яна Дружинина

**Церион, или Холодный,
но прекрасный мир**

«Издательские решения»

Дружинина Я.

Церион, или Холодный, но прекрасный мир / Я. Дружинина —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507376-1

Это история о девушке из небогатой семьи. Когда Алике было двенадцать одноклассники порезали ей лицо. У девушки остался шрам на всю щёку. А в шестнадцатилетнем возрасте врачи поставили ей смертельный диагноз. Девушке остаётся жить не больше года. Но даже, казалось бы, в безвыходных ситуациях ещё может быть проблеск последней надежды... Гуляя по старому парку, Алика встречает очень странную женщину. Незнакомка предлагает девушке помощь и обещает не брать платы. Но всё ли так просто?

ISBN 978-5-00-507376-1

© Дружинина Я.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	27
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 15	52
Глава 16	53
Глава 17	55
Бесмыслица	55
Холодно	55
Глава 18	57
Глава 19	59
Глава 20	64
Глава 21	69
Глава 22	71
Глава 23	75
Глава 24	78
Глава 25	80
Глава 26	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Церион, или Холодный, но прекрасный мир

Яна Дружинина

Иллюстрация на обложке Диана Лабория

© Яна Дружинина, 2019

ISBN 978-5-0050-7376-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это история о шестнадцатилетней девушке из небогатой семьи.

Когда Алике было двенадцать одноклассники порезали ей лицо. У девушки остался шрам на всю щёку.

А в шестнадцатилетнем возрасте врачи поставили ей смертельный диагноз. Девушке остаётся жить не больше года. Безысходность? Не правда ли? Но даже, казалось бы, в безвыходных ситуациях ещё может быть проблеск последней надежды...

Гуляя по старому парку, Алика встречает очень странную женщину, с лицом гладким и ровным, как маска. Незнакомка предлагает девушке помощь и обещает не брать платы. Но всё ли так просто?

Перед Аликой встаёт выбор: либо она принимает сомнительное предложение, либо навсегда прощается с надеждой остаться в живых. Девушке нечего терять, она решает рискнуть.

Незнакомка, назвавшая себя Илин, ждёт её в своём коттедже на окраине города. Женщина постепенно начинает открывать карты – Алика узнаёт, что её новая знакомая вампир.

Выбор уже сделан. Девушка принимает предложение и обретает бессмертие. Теперь её ждёт спокойная жизнь вдали от мирской суеты и вдали от других вампиров. Но ни что не может продолжаться вечно.

Илин приходит послание из замка Церион. Её призывают в клан. По дороге в замок поднимается «ворох» старых историй. Но готова ли загадочная вампириша раскрыть перед новообращённой и другие карты?

Книга 1

Часть 1

Жребий брошен

Глава 1

Дождь и шрам

Тёплый весенний дождь. Редкие капли постукивали по крыше небольшого кафе в старом парке. Из забегаловки вышла группа шумных подростков. Парни и девушки передавали из рук в руки вейп, шутили, смеялись. Один пацан с зачёсом и туннелями в ушах дыхнул паром на случайно встретившуюся на пути девушку. Та, будто в каком-то забытье, даже не глядя на шумную компанию, плелась куда-то в одной ей известном направлении.

– Ни фига какой шрам! – крикнул кто-то из тусовки.

Пацан с туннелями нагнал девушку и, не давая ей пройти, бесцеремонно заглянул ей в лицо.

– Офигеть! Дествительно шрам! Это кто тебя так?

Девушка, казалось не слышала его слов. Не замедляя шага, она только отстранённо посмотрела на парня.

– Да оставь её! – крикнул кто-то из компании. У неё, походу, и без тебя проблем хватает!

Подвыпившие подростки удалились, скрипя найками по влажному асфальту. От порыва ветра ноги девушки подкосились, она пошатнулась, наклонилась к фонарному столбу и обхватила его руками. Редкие капли дождя превратились в мощные струи.

На лице девушки были синяки, свидетельствующие о бессоннице и нервах, сухие губы испещряли красные трещины, до крови изрезавшие кожу. Вредная привычка покусывать губы в последнее время только усугубилась. Плохо расчёсанные волосы развевались из стороны в сторону, то и дело застилая девушке глаза. Она убирала непослушные пряди, как что-то ненужное – как помеху.

Дождь полил сильнее. Каштановые волосы девушки стали тяжелыми от влаги. Девушка съёжилась и, сделав над собой усилие, отстранилась от столба.

Заходить в кафе, в котором весело проводили время гогочущие подростки, совсем не хотелось. Когда-то Алика (так звали девушку) и сама была весёлой и жизнерадостной, но теперь ей было совсем не до веселья.

«Как зябко!» – Не глядя под ноги, она сделала шаг в сторону и вступила в лужу. Дождевая вода обдала холодом.

Озноб и так уже пробрал до костей, и эта маленькая неприятность с лужей была настоящим ударом по нервам. Надо бы уже что-то решить: или зайти в это шумное место, или уже идти домой. Но то ли из-за пренебрежения собственным комфортом, то ли просто из-за моральной усталости девушка не торопилась.

Неожиданно для себя она поняла, что по её голове больше не бьют леденящие струи. За спиной кто-то стоял. Она обернулась – незнакомая женщина лет двадцати восьми-тридцати с каре чёрных волос закрыла её от дождя огромным чёрным зонтом.

– Спасибо, – просто поблагодарила Алика, не зная, что ещё добавить.

Незнакомка стояла молча и как будто чего-то ждала.

– Спасибо, – ещё раз машинально пробормотала Алика. – Мне уже пора идти... спасибо.

Голова девушка уже высунулась наружу, когда обладательница зонтика неожиданно спросила:

– Ты так часто бродишь по этому парку... интересно, зачем?

Алика потопталась на месте, не зная, стоит ли ей нырнуть под зонт или же быстро ответить какую-то несуразицу и уйти туда, куда её поведут ноги – возможно, домой.

Незнакомка то ли сделала жест подойти ближе, то ли просто поманила Алику глазами; позже девушка не смогла точно восстановить это в памяти. Но что бы там ни было, Алика её послушала и нырнула обратно под зонт.

– Зачем? – Она пожала плечами. – Да не знаю. Вы тоже бродите, ну и что? – Девушка закусила губу.

Обладательница зонта иронично вздохнула.

– Пойдём лучше посидим где-нибудь. – Она указала взглядом в сторону кафе.

– Нет, туда я не пойду! – категорично ответила Алика.

– Ну можно посидеть на террасе, – предложила женщина.

Вся эта ситуация казалась очень странной, но незнакомка была так добра и неравнодушна, что Алика не могла просто так уйти, к тому же ей некуда было спешить.

К кафе была пристроена небольшая терраска, на которой обычно мало кто сидел, а в такую дождливую погоду она и вовсе пустовала. На деревянных стульях, чем-то напоминающих лежаки, были скомканы толстые разноцветные пледы.

Пока спасительница Алики ходила за чаем, девушка закуталась почти до самой головы. Она очень замёрзла. Наконец, странная незнакомка вернулась и угостила её горячим имбирным чаем, но сама пить не стала. Конечно, Алике было приятно, но всё же такая ничем не объяснимая забота настораживала.

– Согрелась? – спросила женщина.

Сама она была одета легко, но даже не воспользовалась пледом.

Прихлупывая носом, Алика кивнула.

– Скажи, сколько тебе лет? – ненавязчиво, но с увлечением принялась расспрашивать хозяйка зонта.

Алика отставила чай и рассеянно посмотрела на собеседницу. Казалось, она забыла свой возраст и, силясь вспомнить, ответила лишь спустя некоторую паузу:

– Пятнадцать... шестнадцать недавно исполнилось.

– У тебя что-то случилось? – прозвучал следующий вопрос. Голос у женщины был приятный.

Алика взглядела в лицо незнакомки – оно тоже было приятным. Лёгкая полуулыбка располагала к себе, хотя казалась слегка приклеенной. Было в ней что-то такое... что вызывало доверие.

– Я пойду... мне надо идти. – Девушка медленно поднялась.

– Подожди. – В голосе незнакомки прозвучала повелительная интонация.

Алика интуитивно остановилась.

– Возьми зонт, – сказала женщина мягким, бархатным голосом. – Завтра вернёшь. – Она настойчиво вручила зонт растерявшейся Алике. – А у меня есть капюшон, не промокну. – Незнакомка немного помолчала и добавила: – Завтра в два в этом парке.

Девушке только и оставалось, что кивнуть в ответ.

Глава 2

И всё-таки звёзды горели

«И зачем мне этот зонт? Всё равно простужусь», – думала Алика, подходя к дому.

Многоэтажное прямоугольное строение, в котором ей пришлось прожить всю свою жизнь, казалось холодной высокой горой, слепленной из глины и мусора. Подъезд встретил спёртым запахом тухлятины.

Алике вспомнилось, как мать ещё в детстве то ли в шутку, то ли всерьёз говорила, что в их подъезде принесли в жертву кошку. Этот запах присутствовал здесь всегда, правда, с разной степенью интенсивности.

Две старушки, вошедшие в подъезд вместе с девушкой, недовольно ворчали.

– Вот раньше такого безобразия не было, – пояснила одна из них. – Вони такой не было.

Другая, с несомненно важным видом, поддержала её.

«Да-да, и кошек в подъездах не резали, и трава была зеленее, и сахар слаще, и кисель кисельнее, – сказала про себя Алика. – Раньше вы были другие – молодые, поэтому и не замечали вони. И я раньше тоже не замечала».

В последнее время она часто говорила сама с собой, правда, всегда про себя. Мысли строились в предложения и незаметно превращались в целые диалоги. Эти диалоги и были одним из немногих её развлечений.

Алика доплелась до четвёртого этажа. На неё смотрела всё та же давно знакомая дверь квартиры номер 119. Она пошарила по карманам и полушёпотом воскликнула: «Вот чёрт! Ключи!»

Ладонь механически хлопнула по звонку. За дверью послышались неторопливые шаги, а потом звук поворачиваемой защёлки. Внутренняя дверь отворилась.

– Алика, ты? – спросил сонный голос.

Во входной двери был глазок, но то ли из-за душевной лени, то ли по какой-то другой неведомой причине им не воспользовались.

– Я, – ответила девушка, отряхивая тяжёлый чёрный зонт.

Дверь приоткрылась. На пороге появилась полная рыжеволосая девушка лет двадцати в пижаме и в тапочках-«кроликах». Приглаживая растрёпанные волосы, она сладко зевнула и обратила внимание на вымокшую до нитки сестру, которая всё ещё не переступила порог.

– Ой, какая мокрая! – сонно протянула она и уже более бодрым голосом спросила: – Чё, в парке гуляла?

– Ну да, – механически кивнула Алика.

– Опять? – Рыжеволосая зевнула.

– Опять.

– Хлеб купила?

Алика хотела что-то ответить, но в ответ вырвалось только «апчхи».

– А может, я всё-таки в дом войду? – вытерев соплю, спросила она. – Ирма, пусти.

Сестру ничуть не прильщала перспектива остаться без хлеба, но всё же она оставила дверь и заползла обратно в квартиру.

– И зонт какой-то притащила, – заметила она, уронив случайный взгляд на вошедшую. – Вот Пустовалов обрадуется! Он всё любит, что на халяву.

Рыжеволосая девушка недружелюбно посмотрела в сторону соседней комнаты и, шаркая тапочками-кроликами, поплелась на кухню.

Кухонный стол был удивительным образом заставлен разнообразными съедобными принадлежностями. Из банки консервов на мир взирала килька, обагрённая томатным соусом, по столу тянулись зелёные луга из «Лолло росса». Имелось даже живописное море из молока,

беспощадно разлитого и забытого. Его берега обрамляли песчаные барханы – хлебные крошки. И всё это съедобное великолепие дополняли милые создания – тараканы. Смешно перебирая лапками и покачивая усиками, они в отличие от хозяев дома, которым всегда чего-то недоставало, брали всё возможное от праздника жизни.

Из комнаты послышался ужасающий топот. В детстве Алика воображала, что по квартире бродит не кто иной, как минотавр.

– А, – махнула рукой Ирма, – Пустовалов сегодня раньше вернулся с работы. – А потом прошипела сквозь зубы: – Впрочем, как и обычно. Мать спину гнёт, а он та ещё свинья! Пришёл, поел и завалился! А ещё тут дефиле в своих трусах устраивает. Не спится ему, видите ли, в четыре часа дня!

Ирма резко опустила своё тело на кухонный уголок, взяла планшет и, поедая шоколадную пасту, уткнулась в экран. С пастой во рту она проворчала: «Жаль, хлеба нет». Страстная любительница соцсетей не брезговала делить трапезу с тараканами, но подобно им довольствоваться хлебными крошками не собиралась.

Алика ушла в свою комнату. Усевшись на подоконнике, она попыталась погрузиться в чтение, но ничего не вышло. «Граф Монте-Кристо» – любимая книга – уже не могла отвлечь от мрачных мыслей.

В начале марта врачи поставили ей диагноз «опухоль головного мозга». Жить осталось не больше года. Жаль. За всю свою короткую жизнь она даже ни разу не успела почувствовать себя по-настоящему счастливой.

Часы показали восемь. На пороге дома появилась суховатая женщина с длинными русыми волосами, убранными в тонкую косицу.

– Ирма, – обратилась женщина к дочери, – весь день дома, могла бы хотя бы со стола убрать. Не учишься, не работаешь, хоть по дому помогай, что ли.

Слизывая остатки пасты с ложки, Ирма что-то недовольно промычала. Она не любила, когда её отрывали от трапезы, и вообще не любила, когда её тормозили. Женщина вздохнула, немного покопалась на кухне, отняла у дочери планшет и уселась смотреть мелодрамы.

Наконец, шум и суета дня утихли. Алика с благодарностью встретила первые минуты сокровенной тишины. Теперь у неё было своё пространство, несмотря на то, что в другом конце комнаты Ирма светила в потолок телефоном. Но это были пустяки. Тот, кто делит комнату с братом и сестрой, привык не обращать внимания на такие мелочи. Но сейчас не об этом...

Там, за окном, над мусорным баком, на тёмно-синем полотне ночного неба горели настоящие звёзды. Они были так далеки от Пустовалова, дефилирующего в трусах, от тараканов, купающихся в молоке, от спёртого запаха тухлятины, разливающегося по подъезду серого многоэтажного дома. Алике пришли на ум случайные строки:

«Лишь меньшинство сияньем звёзд

Наделено небесной властью,

Лишь меньшинство живёт всерьёз».

«Может, повезёт в следующей жизни?» – подумала она и улыбнулась.

Это был оптимизм затравленной души – тот единственный оптимизм, который у неё остался.

«Должна же быть хоть какая-то справедливость, – подумала девушка и, крепко зажмурившись, вскинула голову и прошептала, как заклинание: – Должна быть, должна быть, должна».

Она перевела взгляд на лежащую Ирму. Вдруг та слышала её нездоровое бормотание и теперь думает, что её сестра совсем спятила?

Но нет, Ирма спала, спала как убитая. Пролистав несколько десятков мемов, она быстро провалилась в крепкий здоровый сон и только изредка сладко посапывала, как посапывают счастливые или недалёкие люди.

Из соседней комнаты доносился неровный храп Пустовалова. Мать спала тихо и только иногда, пробуждаясь от всеобъемлющего храпа своего избранника, ёрзала, но тут же засыпала.

А вот Алике не спалось. Эмоции, не выраженные словами, рвались наружу. Она бы заплакала, но она поклялась не плакать ещё в раннем подростковом возрасте. А если Алика поклялась, значит, она уже ни за что не заплачет. Вместо этого она медленно сползла с подоконника и рухнула на кровать. Пружинки равнодушно подпрыгнули (да-да, равнодушно – именно так это тогда почувствовала девушка).

Руки нашарили в полутьме старую подушку, впитавшую запах своей хозяйки. Но Алика и не думала спать, нет. Она уткнулась в неё лицом и затихла. Не прошло и минуты, как раздался крик.

Перепуганная мать, пробудившаяся от глубокого сна Ирма, вскочивший, будто после ночного кошмара, Пустовалов – все они, будто по команде, раскрыли глаза.

Она не собиралась кричать так громко, крик вырвался сам, не согласуясь с волей. Затаённые чувства, пусть даже запрятанные очень глубоко, рано или поздно вырвутся наружу, извергнутся, как магма из вулкана.

– А?! Где?! Что?! – прохрипел отчим. Казалось, он испугался сильнее всех.

Алика слышала, как мать пробормотала ему сквозь сон что-то успокаивающее.

Ирма так и села на кровати.

– Аль, ну чего ты орёшь? – взволнованно спросила она.

– Ничего, ничего, – отмахнулась Алика.

– Ну и спи тогда, если ничего, – проворчала сестра и нырнула под одеяло.

Мать заглянула в комнату, но к тому моменту Алика уже притворилась спящей. Она не хотела обнажать свои страхи.

Пустовалов похрипел, порычал и снова попал в объятия Морфея.

А вот Алика попала под власть своих мыслей. Не заметила она и того, как переместилась с кровати на подоконник, как обняла руками колени и как выстроилась цепочка её нездоровых мыслей. Она сама не отдавала себе отчёта в том, сколько она сидит: час, два, всю ночь.

Что-то сверкнуло на тёмном полотне – что-то прекрасное и далёкое, прямо как в песне. Алика оживилась.

«Это падает звезда!» – поняла она.

В этом не было никаких сомнений. Что ещё это может быть, если ни звезда? Ну конечно же, конечно, это звезда – последняя вестница справедливости.

Алика прислонилась к окну лицом и ладонями, вздрогнула от предвкушения чего-то волшебного, замерла и тихо, едва слышно прошептала: «Пожалуйста. Пожалуйста, я прошу только одного... пожалуйста, пусть у меня не отнимают жизнь».

Глава 3

Неожиданное предложение

На окраине города было совсем мало жилых домов, и захудалые, обшарпанные улицы не пестрели прохожими. Старенькие домики были либо заброшены, либо представляли собой несложные конструкции, так сильно напоминающие скворечники.

Но даже в таком местечке нашёлся один дом, не похожий на другие. Недалеко от моря стоял просторный коттедж с широкой террасой и красивым садом. Все думали, что внутри он отделан так же хорошо, как и снаружи, но об этом могли только догадываться, так как гости туда не заходили. Правда, один раз пробрались грабители, но обратно уже не выбрались.

Всем живущим на окраине этот дом казался неприступной крепостью, замком из сказки. Местные побаивались хозяйки и сами не понимали, почему. Она была вежлива и не давала повода себя опасаться, но всё же она была чужой, а значит, непонятной.

Её манеры, движения и даже мимику характеризовали не иначе как странные. Больше всего людей удивляло то, что живёт она в своём коттедже уже около двадцати лет, но выглядит всё так же молодо, как и в день своего приезда.

Тогда, двадцать лет назад, новая соседка даже охотно шла на контакт. Её участок был огорожен невысоким забором, через редкие зубья которого неплохо проглядывался сад и терраса.

Хозяйка, точный возраст которой так и не удалось узнать, не подолгу беседовала с местными на общие темы: садоводство, погода, политика и всё в таком духе. Но о том, кто она, откуда приехала и чем занимается, таинственная жительница никому не проговорила.

У соседей были даже сомнения на тот счёт, что она их соотечественница, так как говорила загадочная хозяйка коттеджа с лёгким акцентом. Во всяком случае, общество местных жителей стало со временем ей претить.

На вопросы о шток-розах, пионах и огурцах она стала отвечать односложно, о политике говорила только вскользь, а погоду, и того хуже, вообще перестала обсуждать.

Такое поведение приводило в недоумение и раздражало жителей окраины, и не просто раздражало, а даже злило. Но окончательную черту в отношениях с жителями окраины подвёл один случай.

Однажды соседка, очень любопытная и даже беспардонная женщина, заговорила с таинственной обитательницей коттеджа. Как бы невзначай, она попросила показать ей необычные лилии, которые, как она слышала, росли в саду. Но хозяйка только холодно отказала. Навязчивая соседка втайне от неё попыталась рассмотреть необычные цветы между зубьями забора, но от женщины ничего не укрылось. Спустя недолгое время вместо прежней не очень высокой ограды уже возвышался высокий кирпичный забор.

С тех пор соседи стали особенно чуждаться этой непонятной для них личности. Кто знает, может, её саму это ничуть и не огорчало.

Из гостиной коттеджа часто доносилась музыка – то быстрая и ритмичная, то протяжная и печальная; она была такая же беспокойная, как и душа исполнительницы. А она любила играть и, играя, погружалась в музыку, точнее – пряталась, как прячутся от реальности те, кого утомила жизнь, но кто ещё не готов встретить смерть.

Этим вечером мелодия звучала недолго. У каждого бывают такие дни, когда всё приедается и даже самые страстные увлечения кажутся пресными и обыденными. Такой день настал и у неё.

Любительница музыки закрыла изящное, покрытое блестящим лаком пианино и вышла на террасу – своё излюбленное место, облокотилась на перила и так, никуда не торопясь и ни о чём не тревожась, стояла и слушала шум прибоя.

Её спокойное и красивое лицо озарял холодный свет луны. Подул свежий морской ветер. Жгуче-чёрные волосы развевались на ветру. Она прикрыла глаза и слегка улыбнулась. Увидь её в этот момент читатель, он бы заметил, что с этой улыбкой что-то не то... но кто знает, что может померещиться в полумраке ночи. На мгновение могло показаться, что она счастлива, но улыбка быстро сошла с её лица, сменившись грустным и в то же время серьёзным выражением.

Не так давно в парке ей встретилась девочка, вся промокшая от дождя. Девочка напоминала ей её саму – не внешне, но чем-то, что невозможно увидеть. Она давно высматривала, а точнее – выслеживала её, но случай подвернулся только сегодня, и всё благодаря этому дождю. Как хорошо, что у неё оказался с собой зонт, без него бы ничего не получилось! Она ещё с минуту глядела на жёлтую в пятнах луну, а потом едва слышно сказала: «Как знать, быть может, завтра, изменится привычное течение дней».

На следующий день Алика сидела в парке напротив кафе, рядом с тем самым фонарным столбом, который послужил ей опорой в тот момент, когда у неё предательски подкосились ноги.

Себя она занимала тем, что теребила в руках массивный зонт с резной ручкой из красного дерева. Она пришла раньше назначенного. Сидеть дома было просто невыносимо. А вот её новая знакомая, а точнее – пока ещё не знакомая, оказалась пунктуальной.

Ещё издали девушка заметила её фигуру в сером свободном пальто нараспашку. Сначала Алика хотела только поздороваться и в очередной раз поблагодарить за помощь, вернуть зонт и уйти, но ей так хотелось с кем-то поговорить, что она повременила прощаться.

Только сейчас девушка хорошо разглядела лицо этой женщины. Тонкие черты, высокий лоб, немного заострённый нос и подбородок – черты эти свидетельствовали о том, что их носительница не местная.

– Ваш зонт. – Девушка протянула тот самый чёрный зонт.

– Тебя ведь зовут Алика? – Женщина снова улыбнулась.

При этом казалось, что на ней прозрачная маска – настолько неестественно натянуты были складки у её губ. Несмотря на матовую кожу и стройную фигуру, в ней было что-то старческое. Но что?

Алика удивилась. Едва ли она могла знать эту женщину раньше.

– Кто вы? И откуда вы знаете моё имя?

– Меня зовут Илин, если это, конечно, тебе о чём-то говорит, – ответила женщина.

– Илин?

«Странное имя».

– А ещё, – она сделала длительную паузу, как бы подбирая подходящие слова, – я знаю, что ты смертельно больна. – Она выжидающе посмотрела на собеседницу.

– Что? Откуда вы всё это знаете?! – На этот раз Алика не просто удивилась, а опешила.

Если бы ей сказал всё это обычный человек, это ещё куда ни шло, но в словах этой женщины ей померещилось нечто пророческое.

– Это не так уж важно. Тот, кто ищет, всегда найдёт, – невозмутимо пояснила Илин, а позже прибавила: – Важно другое: я могу помочь.

Алика вкрадчиво смотрела на мраморное лицо собеседницы.

– Могу вылечить тебя.

Алика посмотрела с ещё большим недоверием.

– Вы что, врач? – наконец, спросила девушка. – И зачем вам мне помогать? Мне нечем вам заплатить.

– Спокойно, спокойно. – Илин сделала лёгкий жест руками. – Я не врач и за свои услуги платы не беру.

– Скажите мне прямо, что и как вы можете сделать и что вы за это возьмёте? Ведь что-то же вам нужно.

Женщина не торопилась с ответом. Она изучала девушку, всматриваясь в мимику собеседницы.

– Платы не возьму никакой, – наконец сказала она. – Об этом можешь не беспокоиться, деньги мне не нужны.

– Вы не ответили на другой вопрос. Скажите, как? – У Алики появилась призрачная надежда, та самая соломинка, за которую так стараются схватиться утопающие.

Илин продолжала пристально смотреть на девушку.

– Как?!

К её облегчению, новая знакомая, наконец, прервала затянувшееся молчание:

– Я не могу говорить на столь важную тему здесь. – Она сделала вид, что собирается уходить.

«Сейчас или никогда», – решила Алика и преградила ей путь.

– Подождите! Я не успокоюсь, пока не узнаю, что это за лекарство!

Илин резко обернулась. Алика заметила приглушенную радость на её лице.

– Тогда тебе придётся проследовать за мной.

Глава 4

Насмешка судьбы

Алика не могла упустить последнюю спасительную соломинку и последовала за таинственной незнакомкой. Илин повела её по узким улочкам, ведущим на окраину.

Девушка хорошо знала свой город, но даже ей не приходилось плутать здесь. Обычно её дорога вела либо в центр, либо к морю, поэтому улочки, напоминающие собой дачные СНТ, были для неё непривычны. Видя, что новая знакомая ведёт её в трущобы, девушка заподозрила неладное.

– Вы живёте здесь? – спросила она у Илин.

Одежда и речь женщины свидетельствовали о том, что если она и не богата, то, по крайней мере, состоятельна, а значит, на окраине города ей делать нечего.

– Мой дом в конце улицы, – объяснила женщина, – чуть дальше.

– А мне обязательно заходить внутрь? Поймите, я только хотела узнать, как именно вы поможете...

– Я буду говорить только в стенах своего дома. Я бы так не настаивала, но это необходимая мера.

Алика нутром чувствовала, что что-то здесь не то, но, вместе с тем, это была её последняя надежда, к тому же рисковать было нечем.

Когда девушка услышала голос своей спутницы, она немного успокоилась. Ей хотелось доверять Илин, так же как и хотелось верить в счастливый случай. К сожалению, её спутница была немногословна и говорила только по делу. На вопросы девушки вроде: «А вы давно здесь живёте?» или «Вы живёте одна?» женщина отвечала односложно и, ничего не добавляя к ответу, замыкалась и погружалась в себя.

Наконец, показалась высокая черепичная крыша.

– Вон там, это мой дом, – пояснила Илин.

Первое, что удивило Алику – высокий забор, обвитый плющом. Кирпичный и крепкий, он казался Китайской стеной по сравнению с другими полуразрушенными, полувросшими в землю деревянными и металлическими оградками. Он казался большой жирной кляксой на общем фоне и, вместе с тем, смотрелся эстетично.

Пока хозяйка открывала дверь, Алика заметила на соседнем участке пожилого мужчину. Сосед разглядывал её, как какую-то диковинку. И что его так привлекло в ней? Для неё это осталось загадкой.

А, между тем, дверь отворилась. Алика неуверенно вошла внутрь. Первое, что бросилось в глаза – это тенистый сад: плакучие ивы, шелестящие серебристыми листьями при каждом дуновении ветерка, каменные фигурки, изображающие мифических героев и простых девушек в греческих одеждах, водящих хоровод или играющих на инструментах.

Классический вкус хозяйки удивил Алику. Сад был красив, но в нём не было никаких современных атрибутов. Не была и газона. Трава росла вольно, хотя и не пестрела высокими сорняками. Были и цветы, но их было не так много. Видимо, хозяйка, создавая свой сад, боялась скорее пересолить, нежели недосолить.

Илин быстро провела гостью по тенистой, выложенной тёмным кирпичом дорожке. Они поднялись на террасу. Подул свежий бриз.

«Наверное, до моря рукой подать». – Почему-то от этой мысли девушке стало спокойнее. Солоноватый запах водорослей и рыбы был для неё родным, а потому вселял в сердце уверенность, придавая сил.

Однако внутри самого дома Алика почувствовала себя уязвимой. Теперь она полностью оказалась на территории своей знакомой незнакомки, от которой не знала, чего и ждать. Ни

шума волн, ни звуков, доносящихся с соседних участков, не было слышно. Насчёт того, зачем Илин помогает ей, у неё не было почти никаких догадок, не считая того, что Алика надеялась, что Илин помогает ей бескорыстно.

«Обладательница такого дома вряд ли захочет что-то заработать за счёт девчонки-подростка, тем более такого, как я», – рассуждала она.

А пока Алика рассуждала, они вошли в какую-то комнату. Позже обстановку комнаты она так и не вспомнила – не на том тогда было сосредоточено её внимание.

Илин жестом повелела ей сесть. Именно повелела, а не предложила. Кресло было очень жёстким и глубоким. Перед ним стоял низкий кофейный столик со стеклянной поверхностью.

Девушка села, точно провалилась. Было очень неудобно, но ёрзать в поисках удобного положения она не стала.

Хозяйка садиться и не собиралась. Алику это насторожило. Женщина держалась за спинку стула и, как показалось девушке, чего-то ждала. Порыв ветра ворвался в открытое окно. Штора надулась от ветра, словно парус перед бурей. Алика, не моргая, ждала, что же скажет её удивительная знакомая.

– Может, чаю? – вежливо предложила Илин.

Алика так удивилась, что провалилась в кресло ещё глубже.

– Нет-нет, спасибо, – протараторила она, а про себя подумала: «Ну скорей уже говори, не тяни».

– Ну, как знаешь. – Илин резким движением захлопнула окно, – Ну что ж, я не буду попусту тратить слова и не буду тебя ни в чём убеждать.

В этот момент Алику одолело такое подозрение, что её собеседница умеет читать мысли.

– Я просто покажу, каким даром я могу тебя наделить.

«Звучит пафосно», – успела подумать девушка, но быстро сосредоточилась и подвинулась на край кресла.

– Ты готова? – спросила Илин, медленно подходя ближе.

Алика дала понять, что готова, хотя это было правдой только отчасти.

Илин достала нож. Блеск металла отразился в глазах девушки. Лезвие рассекло воздух, Алика снова приросла к спинке кресла.

Нож прошёлся по коже. С запястья Илин закапала кровь. Женщина за долю секунды оказалась перед самым лицом своей гостьи.

– Смотри. – Она показала ей окровавленную руку.

Порез на глазах затянулся.

– Что за чертовщина?! – не выдержала Алика и сказала вслух то, что намеревалась произнести про себя.

– И это ещё не всё, – победоносно произнесла Илин. – Я никогда не болею и никогда не старею. Хочешь быть вечно молодой, Алика? – Женщина обтёрла лезвие платком и отложила клинок на стол.

Девушка молчала, как пришибленная.

– Только одно слово – и болезнь будет тебе не страшна.

– В чём фокус? – И это Алика тоже не собиралась произносить вслух.

Ответа не последовало. Любопытство победило осторожность и здравый смысл. Алика неожиданно взяла клинок со стола.

– Что ты делаешь? – Илин растолковала действия девушки по-своему. – Постой, это не так работает...

Алика быстро резанула по ладони.

«Может быть, всё дело в ноже», – подумала она.

Царапина зацепила и даже и не думала заживать. Алика перевела взгляд на свою таинственную собеседницу – кровь заворачивала, гипнотизировала её.

Илин смотрела на кровавую полоску, как аллигатор на добычу. Алика поняла: искушать судьбу больше нельзя.

Не теряя времени, она выскочила за дверь, быстро отыскав выход из дома и оставив за собой только распахнутую дверь.

Она бежала на шум моря – туда, где, идя по берегу, она точно сможет отыскать обратную дорогу, и ей не надо будет плутать по непонятным улочкам и закоулкам.

Минут десять она провела в пробежке, и только когда крыша дома исчезла из виду, девушка немного успокоилась и перешла на шаг.

Бег вымотал её. Хотелось пить, но впереди виднелись только разноцветные полосы моря. Усталость была не столько физической, сколько моральной. Алике так хотелось зацепиться за эту спасительную соломинку, но та оказалась только насмешкой судьбы.

Сейчас вся эта ситуация с доброжелательной незнакомкой, укрывшей её от дождя, с богатым коттеджем на окраине и порезами, заживающими на глазах, казалась ей сущей нелепицей. Саму себя она называла не иначе как идиоткой.

«И зачем я повелась? Зачем сунулась в этот дом? Никакой нормальный человек на моём месте не поверил бы словам этой женщины. И кто она? Просто ненормальная? Садистка?» Впрочем, может, Алика и зря корила себя: каждый имеет право на что-то надеяться.

Тщетно ища ответа на многие мучившие её вопросы, она вымоталась, изгрызла себя изнутри. Сил больше не было, осталось только море... Разноцветные блики играли в догонялки, резвясь в лазурных водах, щедро политых солнцем.

Жёлтый песок с вкраплениями рыжего, коричневого и серого, острые ракушки, так и стремящиеся уколоть босые пятки, болотно-зелёные водоросли, похожие на волосы кикимор – всё это напомнило девушке картины её отца (тот был художником). Его картины, хоть и были очень однообразными, пестрели множеством ярких красок.

Алика вспомнила одну из них: невысокие полупрозрачные волны пропускают солнечные лучи. Тоненькой кисточкой выведен элегантный силуэт девушки, стоящей у моря, в кармино-вом платье с декольте и в соломенной шляпе с огромными полями.

Отец отдавал предпочтение густым мазкам и всегда быстро писал свои картины. Спешка свойственна очень целеустремлённым людям, а иногда и очень импульсивным. Импульсивность – помеха для достижения цели.

Пожалуй, отец, пишущий картину, – единственное, что Алика помнила отчётливо о своём родителе. Остальные воспоминания были расплывчатой, несвязной массой. Со слов матери она почти ничего не знала. О своём бывшем муже мать рассказывала редко, а когда дочь задавала вопросы, отвечала с большим раздражением.

А так иногда хотелось заглянуть под эту туманную завесу, узнать хоть что-то о своём родителе! Надо отметить, что образ отца в воображении Алики был сильно идеализирован.

Юная мечтательница наделила его всеми теми качествами, которыми не обладал её отчим Пустовалов. В своём воображении она как бы противопоставляла эти два мужских образа: Пустовалов был полным, а может, даже и толстым, а отец, напротив, был стройным и подкачанным. Пустовалов был резок и груб, отец же был рассудителен и интеллигентен. Пустовалов принижал Алику, отец, наоборот, возвышал. Пустовалов пытался затоптать, отец помогал подняться.

Но это был всего лишь мираж, порождённый её воображением. Это было странно, потому что мать никогда не говорила ничего подобного. Напротив, она больше ругала своего бывшего мужа, нежели хвалила.

Но Алика неосознанно наделила этот образ теми чертами, которые, подрастая, она искала вокруг себя, но ни в ком не находила.

Подростковые фантазии, даже те, которым суждено разбиться об скалу суровой действительности, тем не менее, помогают пережить трудности возраста. Пощёчины судьбы неотвраща-

тимы, шрамы неизбежны, но это не мешает человеку верить в лучшее, надеяться, мечтать и любоваться бликами моря и игрой волн. Так, может быть, их лучше и не трогать, эти фантазии?..

Глава 5

Мелодрама и жизнь

Личность отца Алики оставим за кадром. Судьбы его и Алики вряд ли когда-нибудь пересекутся. Гораздо важнее уделить внимание её матери Наталье.

Наталья была ничем не примечательной худощавой женщиной средних лет. Жизнь не была очень строга с ней, но ради справедливости стоит сказать, не баловала.

После развода с первым мужем доходы в семье снизились более чем на половину. На тот момент у женщины уже были две маленькие дочери и не слишком высокооплачиваемая и к тому же нелюбимая работа. Повышать квалификацию, переучиваться – всё это было не для неё. Есть люди не целеустремлённые, от природы обделённые усидчивостью и терпением.

Наталья еле сводила концы с концами. Все её усилия, направленные на то, чтобы хоть как-то улучшить свою жизнь и жизнь детей, сводились к тому, что она просила. Просила облегчения. Каждый день, когда она слышала этот треклятый звон будильника и, поднимаясь, с великой неохотой искала закатившиеся под кровать тапки, она просила. Когда она ехала в лифте, она просила, когда днём она приплеталась с работы домой и подогревала растреклятые макароны, она просила. Когда она включала очередную мелодраму, и пока та грузилась, она думала: «Вот хорошая же жизнь у этой Хюрем Султан! Вот жили же в то время». И много чего она ещё передумывала по этому поводу, пока мелодрама грузилась, а после всей душой, всем сердцем и всем своим женским обманутым существом она погружалась в этот романтический мир лапши на ушах и стереотипов в голове.

Справедливости ради стоит сказать, что Наталья искренне любила свои мелодрамы и не представляла без них жизни. Они были единственным утешением в сером болоте повседневной рутины. Она, взрослая женщина, искренне верила многому из того, что видела на экране телевизора, а позже – планшета.

Перейти к активным действиям она почти не пыталась, а если и пыталась, то у неё не хватало силы воли и настойчивости для того, чтобы довести начатое до конца. И так неизвестно сколько бы ещё её кинематографично-романтическая душа плавала в море одиночества, если бы её не услышали...

К большой её радости, в продуктовом магазине Наталья сумела, однако же, познакомиться с солидным и, как ей тогда показалось, достаточно обеспеченным гражданином. Она сразу поняла, что имеет дело с состоявшимся мужчиной. Его движения были благородно-неповоротливы, манера речи – величественно-пафосная. И несмотря на хлебные крошки, скрывавшиеся в его давно не бритой щетине, Наталья поняла: этот человек держит себя с достоинством монарха.

Стоит ли рассказывать читателю о том, какая именно искра вспыхнула между ними и с какой поспешностью закрутился их «роман» без нежных ухаживаний и цветов? Возможно, тут и стоило бы сказать пару слов, если бы это была искра страсти, но нет, это была даже не страсть...

Солидный гражданин за неимением собственной квартиры великодушно согласился переехать к своей удачно встретившейся возлюбленной. Так начался симбиоз Натальи и Виталия Аркадьевича Пустовалова (именно так звали нашего меркантильно-неповоротливого «монарха»).

Сначала всё начиналось довольно сносно: Виталий великодушно давал деньги на еду и на падчериц, однако уже совсем скоро Наталья поняла: её избранник неизлечимо болен хронической ленью и паразитическим эгоизмом.

Она глубоко разочаровалась в Виталии Аркадьевиче и вообще во всех мужчинах разом и ушла в другой, прекрасный для неё мир – мир мелодрам. Проблем, конечно, таким дей-

ствием, вернее, бездействием, она не решила, но забыться ей удавалось. Что ж, она сумела довольствоваться и этим.

Среда, в которой мы рождаемся, во многом влияет на нас. Неуловимо, незримо она оставляет на нас раны, трещинки и шрамы, которые со временем и складываются в то, что мы зовём характером человека. Впрочем, не из одних ударов судьбы рождается личность. Важно другое: ни один человек не может быть отражением того общества, в котором он вырос, так как отражение передаёт всё дословно.

Человек, даже если речь идёт о ребёнке, не впитывает в себя характер среды, как губка, – напротив, как существо, наделённое волей, он может решать и делать выбор. В детстве этот выбор чаще всего несознателен и продиктован врождёнными качествами, которые не может препарировать никакая среда, особенно если человек упрям и обладает силой воли. Но всё же, каким бы ни был стойким человек, среда всё равно оставит свой след. В случае Алики это был шрам. Но о шраме будет сказано позже.

Это был тот самый день, когда Алика убежала из дома загадочной и даже странной женщины с лицом, напоминающим белую маску.

В старом же многоэтажном доме на всю лестничную площадку раздавались ругательства. Из квартиры 119 хорошо слышались истерические возгласы женщины вперемешку с матом и раздражённым рычанием мужчины. Иногда, стоит отметить, можно было услышать слова.

По квартире, покрасневшая и вся в слезах, перемещалась Наталья, за ней, властно потрясая кулаками, набывшись так, что из-под густых бровей с трудом можно было разглядеть глаза, не шёл, а скорее топал Виталий Пустовалов. Его щёки содрогались при каждом брошенном им грубом слове, при каждом взмахе тяжёлых рук, которые как бы помогали выразить те эмоции, на выражение которых у него не хватало словарного запаса.

– Я за всё время нашей совместной жизни ни одного доброго слова от тебя не слышала! Я... я, – суетилась Наталья. – Да ты даже в магазин нормально сходить не можешь! Да ты вечно... Только для себя всё, для себя, любимого! Если притащишь продукты, то не для всех, а для себя!

– Это... эт... это самое...

Пустовалов перевозбудился от раздражения и, как он считал, праведного гнева, который испытывает тот человек, который искренне верит в то, что он содержит всю семью. Псевдоправедное раздражение было столь велико, что Виталий Аркадьевич с трудом мог построить фразу.

– Ты глупая женщина! – грозно известил он. – Не нравится, так и не живи со мной!.. – Он выдвинул челюсть вперёд, отчего его лицо приняло смешной и даже комичный вид, и скрутил фигу у самого носа Натальи.

В физиономии Пустовалова было и вправду что-то комичное, но эта комичность была шляпой с потайным дном: сначала смешно, а потом... чёрт знает, странное ощущение... Лицо Пустовалова в тот момент пугало! И страшно было не само лицо, а внутреннее содержание, которое в моменты сильного раздражения вылезало наружу.

Но что же Наталья? Наталья ударила его наотмашь.

Пустовалов не стал церемониться и отвесил сожительнице звонкую оплеуху. Его ноздри в тот момент раздулись, как у быка, а сам он раскраснелся подобно спелому помидору под палящими августовскими лучами солнца.

Наталья вскрикнула, как подбитая птица, и, пробормотав что-то невнятное, выбежала из квартиры, потирая покрасневшую щёку.

Бежала она недолго. Истерика не то что не даёт облегчения, но часто даже усугубляет ситуацию. Не обращая внимания на красный свет и на мчавшиеся на скорости машины, женщина попыталась перебежать дорогу.

Молодой водитель успел нажать на тормоз, но было уже поздно.

Страх в глазах. Удар. Полёт. И темнота.

Очнулась она уже в больнице. Когда картинка перед глазами стала более или менее отчётливой, первой кого увидела Наталья была её младшая дочь, Алика.

Дочь сидела у койки еле живой матери и сосредоточенно смотрела ей в глаза.

– Где Ирма? – протянула женщина с надеждой в голосе.

– Я не знаю, – протянула Алика.

На самом деле Ирма, узнав о том, что мать при смерти, поставила на полку шоколадную пасту, отложила на время просмотр мемов и поспешила заняться вопросом наследства.

Мать молчала, и Алике не хотелось нарушать это молчание, да и, по правде говоря, она не знала, как это сделать. Что обычно говорят умирающим?

Алика смотрела в вечно усталые глаза матери и думала: «Она должна была меня пережить и теперь, вот так, неожиданно умирает. Она редко болела, только часто жаловалась на усталость. Я уверена, она дожила бы до преклонного возраста, если бы не выбежала в истерике на дорогу. Отчим, конечно, тоже не безвинная овечка, но мама должна была знать по опыту, что истерика ни к чему не приведёт: холодильник полнее не будет, а, кричи не кричи, чурбан чурбаном как и был, так им и останется».

Алика винила и себя в случившемся: она тогда как-то растерялась и не вмешалась в ссору, не побежала за матерью следом, хотя, тогда уже было поздно.

Мать неподвижно лежала на койке и то смотрела на дочь, то переводила отстранённый взгляд на потолок.

«Она уже не здесь», – поняла девушка.

Сейчас в глазах этой обманувшейся, измученной женщины читалось только одно: «Скорей бы всё это кончилось». И её лицо, стремительно постаревшее за один день, выражало то ли вселенскую муку, то ли вселенскую скуку, что, по сути, одно и то же.

– Знаешь, – едва слышно протянула мать, – это даже хорошо, что ты умрёшь молодой: мучиться, как я, не будешь. А то, мучайся не мучайся, а всё равно итог один...

«Нет, нет, тысячу раз нет!» – Всё существо Алики взбунтовалось.

Девушка любила жизнь, любила даже со всеми её судорогами, бедами и разочарованиями, но умирающей возражать не посмела. Да это было бы даже глупо.

– Алика, доченька... – Наверное, мама хотела пожалеть своё обречённое дитя, но мысль остановилась.

Зрачки женщины застыли в одной точке. Дыхание оборвалось. Наталье было только сорок три, а она умерла старой.

Глава 6

Когда все мосты сгорели

Разноцветные обёртки, полиэтиленовые пакеты и прочая лабуда крутилась в воронке ветра. Упаковка из-под мюсли влетела в лицо Алики. Ха, как насмешка!

Девушка быстрым движением отшвырнула от себя навязчивый мусор. Она стояла на остановке, потирая руками предплечья.

Холодный ветер пробирал до костей, но вот что странно: домой возвращаться всё равно не хотелось. Однако идти больше было некуда, и Алика не по своей воле, но своими ногами должна была вернуться в серую многоэтажку.

Она думала о многом и ни о чём конкретном. Казалось, что всё происходит по какому-то заранее написанному сюжету. Внутренне она противилась и не хотела возвращаться в опостылевший ей серый дом. Но куда ещё ей было идти? Когда накатывали такие мысли, Алика чувствовала себя полуживой.

Наконец, подъехала долгожданная маршрутка. Ветер подул с новой силой. «Уж не ураган ли приближается?»

– Садысь быстрэй, дэвушка, пока вэтром нэ сдуло! – весело крикнул водитель.

Алика неторопливо забралась в долгожданную маршрутку и села напротив молодой матери с маленькой девочкой. Мать и дочь очём-то говорили и чём-то весело смеялись. Женщина нежно прижимала девочку к себе.

Алика смотрела на их счастливые лица понуро и даже почему-то обиженно. Но сцена семейного счастья затронула в ней давно не звучавшие струны. Воспоминания детства пронеслись киноплёнкой. Она вспомнила мать, молодую и улыбчивую, вспомнила, как та носила её, маленькую, на руках, вспомнила её ловкость в быту, быструю походку и запах духов. Это был древесный запах.

Тогда маленькой Алике казалось, что так должна пахнуть сильная и уверенная в себе женщина. Она попыталась уцепиться за эти воспоминания и как можно дольше не отпускать их, погрузиться в них, уйти с головой, но...

Но вот маршрутка остановилась на её остановке. Счастливые мать и дочь остались позади, а впереди был холодный серый дом и полная, щемящая неизвестность. Теперь её никто не ждал.

Дома была только сестра. Ирма, вопреки своему обыкновению, воодушевлённо возилась с документами. Не глядя на сестру, она задала ей пару вопросов, о том как умерла мать и когда теперь похороны, и ещё что-то в этом роде. Алика незаметно для самой себя ответила на них.

– А Пустовалов свалил отсюда, – известила её сестра. – Другого выхода у него не было. – В её голосе прозвучали радостные нотки.

Самый главный страх отчима стал явью: он остался без квартиры.

– Есть хочешь? – оторвавшись от кипы бумаг, поинтересовалась новая хозяйка квартиры.

Алика торопливо закивала. Ей уже чудилось, что её желудок начал переваривать сам себя. Ослабевшая и подавленная, она всё-таки решила подкрепиться.

На кухне благоухали жареные грибы. Большая их часть прилипла к сковородке, но, к счастью для Алики, на тарелку всё-таки что-то попало.

Девушке было не до эстетических соображений. Голодная, она умяла всё, что ей положили, и откинулась на спинку стула, держась за живот. Грибы на голодный желудок – совсем не здорово.

– И всё-таки какой кайф, жить без этой скотины Пустовалова! – Старшая сестра лихо махнула рукой и уперла руки в боки.

Плотная, румяная, упитанная, теперь она стала свободной и независимой женщиной.

- У меня только один вопрос, – прервала восторженный поток её слов Алика.
- Ну? – Ирма опёрлась одной рукой на стол.
- Как ты думаешь, если я найду отца, он примет меня?
- Горло сестры чуть не разорвалось от истерических смешков.
- Ой-ой-ой, да нафиг ты ему нужна? Как говорит наша тётка: «Охлонись, милая».
- Ну, всё-таки я его дочь, – возразила девушка.
- Какая, к чёрту, дочь?! Ты палка в колёса, а не дочь. Плевал он на кровные узы и всю прочую ерунду! Он не хотел, чтобы ты появлялась на свет. Да и вообще... – Ирма остановилась. – Забей.
- Так-так, а вот с этого момента поподробнее. На что я должна забыть?
- Забей. Просто забей. – Ирма отвернулась и, сделав вид, что ничего и не было, принялась мыть посуду.
- Если человек сказал «забей», его уже трудно снова разговорить, но Алика не унималась.
- Расскажи, что ты ещё знаешь! Расскажи! – настаивала она. – Ты же знаешь, что я просто так не успокоюсь!
- Ирма оставила посуду недомытой и с мрачным видом повернулась к сестре.
- Ну слушай, если хочешь. – сказала она, вытирая руки полотенцем. – Родители не знали, оставить плод или нет. Сама знаешь: вечно денег нет, то, сё... Мать предложила подкинуть монетку...
- И? – насторожилась Алика.
- Считай, что тебе повезло.

Глава 7

Пауки и бабочка

«Выбор есть всегда!» – Пафосные слова, но, на мой взгляд, не всегда верные. Если даже предположить, что выбор есть всегда, то стоит отметить, что человек не всегда понимает, когда именно нужно сделать этот выбор, а если и понимает, то не успевает всё взвесить и принять правильное решение.

Всё это говорит о том, что человек не всегда волен выбирать. Судьбе свойственно предъявлять свои права, но мы не будем сводить всё к фатализму, ведь иногда выбор всё-таки есть. И у Алики он действительно был.

Её ничего больше не держало, и терять ей было нечего. Жизнь в сером доме не сулила никаких перемен к лучшему, только медленное угасание с каждым днём и часом. Болезнь будет брать своё, и она, Алика, станет тягостной обузой для сестры и даже для самой себя, если останется здесь.

У неё была только одна призрачная надежда – та странная женщина, Илин. Пусть надежда и покрыта сумраком тайны, всё равно от этого она не перестаёт быть надеждой. Даже если в предложении Илин сомнительная перспектива, всё же это перспектива. Всё лучше, чем просто смириться с неизбежным, сложить руки и ждать, пока твой огонь угаснет навсегда. Нет, уж лучше найти выход или разом сгореть!

Так рассуждала Алика, и она решила рискнуть.

Оставив сестре записку, в которой она прощалась навсегда и просила её не искать, девушка пошла по дороге, ведущей на окраину. Память на местность не подвела – она быстро отыскала кирпичный дом среди низеньких деревянных построек.

Сложности начались потом. Звонка рядом с калиткой не было и в помине. Высокий забор казался непреодолимой оградой. Через такой Алике в жизни не перелезть. Наверное, самое разумное, что можно было сделать в этой ситуации, – крикнуть, позвать хозяйку дома.

Но Алике это даже не пришло в голову. Ещё не оклемавшаяся после смерти матери, она была разгорячена предстоящей встречей с Илин и не могла мыслить здраво. И что же она придумала? Рядом произрастало крепкое дерево с ветвями, перевешивающимися через забор.

Собравшись с последними силами, незваная гостья вскарабкалась по отходящим от ствола веткам и таким образом очутилась над забором. Теперь ветки кончились, нужно было или прыгать, или ползти обратно. Алика не без боязни смотрела вниз. Где-то два с половиной метра лететь – высокогато.

Девушка не была бесстрашной, но и отступить она не привыкла.

«Насмерть не расшибусь, а через забор перебраться надо», – подумала она и, не теряя времени, прыгнула.

Было боязно и в то же время приятно слышать, как тело разрезает воздух, а струйки ветра напевают победную мелодию. Посадка была жёсткой. Падение с высоты на землю всегда отрезвляет, а иногда и калечит.

Спрыгнув, она не на шутку отбила ноги. Боль стрелой пронзила кости. Алике показалось, что её ноги вот-вот треснут пополам. Мерзкое ощущение, но тратить время на зализывание ран она не стала. Хромая, но не теряя скорости, девушка доковыляла до коттеджа.

До слуха донеслась протяжная и даже жалобная мелодия. Вдруг пианино зазвучало громче и серьёзнее, меланхолические нотки отступили. Композиция казалась яростным, призывным кличем.

Музыка звучала всё тяжелее и тяжелее. Набирая силу, она звучала всё громче и пронзительнее. «Это крик», – поняла Алика. Мелодия дошла до своего пика и оборвалась.

Дверь медленно отворилась, и сердце девушки встрепенулось. На пороге стояла Илин. Она была, как всегда, спокойна, на её лице не отразилось ни крупинки удивления. Девушке было тяжело стоять, она оперлась на каменный столб рядом с террасой.

«Скорей бы всё прояснилось», – думала она, но слова, подготовленные заранее, заблудились в глубинах её мозга.

Что касается Илин, эта знакомая незнакомка, как и в прошлый раз, не торопилась говорить.

– Я передумала, – скрепя сердце, прервала молчание Алика.

Лицо Илин, напоминавшее скорее маску, тронула едва заметная улыбка, но она ничего не сказала. Казалось, она чего-то ждала, а может, просто наслаждалась успехом.

– Только, пожалуйста, – продолжила Алика, – прежде чем вы вылечите меня, расскажите, кто вы и как вы так быстро залечиваете раны.

Женщина снова улыбнулась. На этот раз её улыбка была очень мягкой. Опасения Алики от части развеялись. Ей хотелось верить этой женщине, кем бы та ни была.

– Я рада, что ты пришла, – одобрительно произнесла Илин. – А теперь проходи в дом. – Наклонив голову, она ещё раз пригласила девушку войти.

Алика обернулась назад и на всякий случай запомнила расположение двери. Смелость – штука хорошая, но подстраховаться никогда не помешает: кто знает, какие сюрпризы готовила для неё хозяйка дома.

Они вошли в ту же комнату, в которой были и в прошлый раз. Алика дала себе обещание быть смелой, но это удавалось ей с трудом – вернее, она была смелой скорее внешне, чем внутренне. Страх перед неизвестным вполне обоснован, а потому имеет место быть.

Девушка опустилась в то же кресло, в котором ей тогда было так неудобно. На этот раз села и Илин. Это немного успокоило юную гостью.

– Я советую тебе выпить чаю, – снова предложила женщина. – Честно говоря, я сама никогда не пью чай, но для тебя я купила упаковку байхового.

– Специально для меня? – удивилась Алика и по привычке забормотала что-то вроде «нет», «спасибо», «не надо».

Илин беззвучно рассмеялась.

– Неужели ты думаешь, что я тебя вот так вот возьму и отравлю? – впервые со смехом спросила она.

– Нет, я просто реально не хочу, – снова отказалась Алика.

– Ну смотри. Чай успокаивает. А тебе сейчас важнее всего успокоиться, иначе ты не сможешь воспринимать мои слова.

– Спасибо вам большое, – в очередной раз произнесла девушка, – но я не буду пить чай.

– Какая ненависть к этому напитку! Ну надо же! – категоричность Алики развеселила хозяйку коттеджа.

Её смех задел девушку. «Она смотрит на меня, как на ребёнка!» – поняла Алика.

– Ну, если ты отказываешься от чашечки замечательного байхового чая, то приступим к делу... вернее, к нашему разговору. – Теперь Илин говорила уже без долгих пауз. – В прошлый раз я допустила ошибку, так как начала с действий. Это было слишком резко и неожиданно. Неудивительно, что ты испугалась. Сейчас я поступлю по-другому. Я начну с теории.

И как только она договорилась последние слова, Алике стало не по себе, потому что, договаривая, женщина медленно поднялась с кресла и незаметно закрыла дверь на ключ.

Комок подкатил к горлу, но девушка благоразумно решила промолчать. Илин снова опустилась в кресло.

– Я вампир, – сказала она, как ни в чём ни бывало. – Ты можешь считать меня сумасшедшей, но то, что ты видела в прошлый раз, подтверждает мои слова. Я предлагаю тебе стать такой же, как я. Для того чтобы прояснить то, что, возможно, тебя смущает, скажу, что вампиры ничуть не боятся дневного света, не дрожат перед распятым и не спят в гробах. Правда, вот только, запах чеснока я никогда не переносила, но, я думаю, это только моя особенность. Зато, став такой как я, ты получишь здоровое тело, способность к мгновенной регенерации и... – она сделала многозначительную паузу, – бессмертие. Есть некоторые вещи, которые способны убить нас... но, впрочем, не важно. Говоря кратко, преимуществ много, а недостатков почти нет. А ещё вампиры не нуждаются в сне. Ну, девочка, выбор за тобой.

Зрачки Алики впились в говорящую. Та выглядела дружелюбной, и всё же она заперла дверь, и, наверное, не просто так.

– Ах, да! – Казалось, Илин что-то неожиданно вспомнила. – Я совсем забыла. Вот ещё одно доказательство. – Усилив мышц она приподняла верхнюю губу.

Алика увидела, как её передние зубы превратились в два острых клыка.

– Это правда! – Девушка так и откинулась в кресле.

– А ты сомневалась, наивная! Откуда тогда появились эти вурдалаки в страшилках и хоррорах? Всё где-то черпает своё вдохновение. Ну, Алика, не тяни. Я жду ответа.

– Скажите, какую кровь вы пьёте? – Алика изо всех сил старалась говорить твёрдо, но это едва ли ей удавалось.

– Не человеческую, нет. – усмехнулась Илин.

Услышав суть, но не уловив интонацию, Алика облегчённо вздохнула.

– Хорошо. – Теперь голос девушки прозвучал уже твёрже. – Тогда я согласна. Только я прошу, сделайте это как можно быстрее.

– Быстро не получится, – категорично заявила вампирша. – Твоё тело должно привыкнуть к изменениям. Произойдёт мутация.

– Вы укусите меня?

– Нет. В этом нет необходимости. Тебе всего лишь нужно будет выпить моей крови. – Илин посмотрела на Алику.

Та была полна решимости. Прежний страх отступил. Тот, кто испытал сильное потрясение, в какой-то момент привыкает к своему страху и уже принимает следующие потрясения как данность.

Илин продолжала:

– Потом ты потеряешь сознание и будешь около трёх дней валяться в постели. В это время для тебя будет опасен даже малейший солнечный луч. Твоё тело будет перестраиваться. Но это только начало. Очнувшись, ты ещё не станешь бессмертной, но и человеком уже не будешь. Возможно, тебе будет очень больно... Человеческая пища станет для тебя отравой, а кровь пить будет ещё рано. Ты будешь голодать до тех пор, пока твои зубы не видоизменятся, ногти не деформируются, а зрение не станет острым, и ты не начнёшь видеть в темноте.

Женщина оборвала свою речь Потупив взгляд, она продолжила:

– Не все выживают, бывает так, что во время мутации погибают. Всё зависит от выносливости твоего организма.

«Если я откажусь, моя смерть неизбежна, а так хотя бы удачи попытаю», – думала Алика, собираясь с мыслями.

– Сделайте то, что нужно, только, пожалуйста, не задерживайтесь, – обратилась она к вампирше.

Илин привела Алику в какую-то крохотную комнатку без окон. В комнате давно не убирались, это сразу бросалось в глаза. Было странно и то, что дом – по крайней мере, та его

часть, которую видела девушка, – был очень чистым, почти идеально чистым, а эта маленькая комнатка внутри опрятного коттеджа казалась скелетом в золочёном шкафу.

Воздух, пропитанный пылью, раздражал нос. Алика не удержалась и чихнула. Оглядев комнату, она решила, что, скорее всего, она служит складом старых вещей.

Массивный шкаф из светлых пород дерева с выпуклым деревянным жуком, распростёршим лапки по всей поверхности, казался давно забытым. Усы жука потемнели от времени, а крылья потеряли свой первоначальный блеск.

Где-то в углу висела паутина, на которой сидел жирный паук, усердно обматывающий ещё трепыхающуюся муху. Мушка шевелилась, но рывки её становились всё тише. Устав бороться, насекомое сдалось, позволив своему мучителю облачить себя в липкий наряд, а после высосать все жизненные соки.

Алика с детства терпеть не могла пауков. Они даже иногда снились ей в кошмарах. Но теперь всё будет по-другому. Пора покончить с детскими страхами, она больше не маленькая девочка, которая боится пауков и стесняется своего шрама. Она должна быть сильной и решительной. Отступать нельзя. Сегодня она убьёт в себе детские страхи, её сердце больше не будут щемить воспоминания о прошлом и несбывшемся. Пора взрослеть! Пора делать выбор!

Ещё раз взглянув на парализованное насекомое, Алика подумала: «Нет ничего ужаснее, чем беспомощность». Она боялась спастись, отступить, убежать прочь от Илин, но коли ей выпал шанс не только остаться в живых, но даже обрести бессмертие, она обязательно им воспользуется. «Только скорее, скорее, пока железо горячо!» – молила она.

Илин пустила себе кровь из запястья. На этот раз она обошлась без ножа: клыки резали не хуже куска заточенной стали.

– А теперь пей, но не торопись. Пей медленно. – Она поднесла рану к губам девушки.

Сначала Алика ничего не ощутила, кроме солёного вкуса горячей жидкости. После она почувствовала вкус железа, затем, когда кровь уже прошла по её горлу и достигла желудка, – горечь и остроту.

Сердце забило сильнее от адреналина. Ощущения были острыми и, вместе с тем, очень приятными. Она как бы раздваивалась. Алика чувствовала, как кровь перетекает по её организму, и в то же время она как будто смотрела на себя со стороны.

Девушка уже не понимала, как она раньше жила без этого волшебного ощущения, без этой эйфории. Ей казалось, что сейчас и только сейчас она по-настоящему живёт, по-настоящему чувствует. Да-да, именно чувствует. Только вкус, запахи, ощущения и жар крови были теперь властны над ней. Она чувствовала сердцебиение Илин.

Но вскоре выпитая кровь начала жечь. Неужели вампирша обманула её? Неужели она её убивает? Боль казалась непереносимой. Внутренности варились, как в бурлящем котле со специями, а глаза готовы были лопнуть от напряжения. Слышались удары барабанов, словно племя индейцев сидело вокруг неё и отбивало призывный ритм. Эти удары были стуком двух сердец – её и Илин.

Затем резкая боль пронзила всё тело, словно ножом. Алика выпустила руку вампирши, упала и скрючилась. Одного взгляда на Илин было достаточно для того, чтобы понять, что той тоже больно. Прислонившись к стене и держа окровавленную руку под запястьем, вампирша тихо произнесла, обращаясь больше к самой себе, нежели к Алике: «А я и не думала, что ты выпьешь так много».

Глава 8

Паутина прошлого

Очнулась Алика в той же комнате, в которой и отключилась. Голова была тяжёлой, всё расплывалось перед глазами. Она попыталась встать, но тело не послушалось. О, ужас! Неужели её парализовало?

Теперь девушка корила себя за то, что не расспросила Илин подробно о процессе мутации. Алика лежала на чём-то полутвёрдом – скорее всего, на какой-то раскладушке. Она так торопилась стать бессмертной, что даже не заметила узкую кровать, вплотную придвинутую к стене.

Сильно хотелось есть и пить. Она попробовала пошевелить пальцами ног – пальцы не сразу послушались. «Значит, меня всё-таки не парализовало», – подумала девушка, но её радость скоро сменилась новым волнением.

В голове что-то прогрохотало. Алику передёрнуло. Нерв внутри её черепа бешено запульсировал. Казалось, внутри головы вот-вот взорвётся бомба замедленного действия. Хотелось схватиться руками за голову, потереть виски, докоснуться до ноющего лба, но руки не слушались. Даже закричать не получилось.

Немного оклемавшись, девушка догадалась, что, разминая пальцы ног, она случайно задела какой-то предмет и тот с грохотом свалился на пол. Грохот оказался всего лишь шумом от падения, утрированным и растянутым обострившимся на время мутации слухом. Благодаря таким переменам в организме Алика могла отчётливо слышать все звуки, доносившиеся с улицы. Так, шум двигателя был громом для её ушей.

Но страшнее всего было зловещее шипение паука, которого она могла видеть краем глаза. Хищник давно разделался со своей жертвой и, усевшись в самом центре своей паутины, потирал мохнатые лапки.

Зрение Алики начало восстанавливаться, и она увидела два круглых глаза, тёмных и блестящих, как обсидиан. Ей чудилось, что паук смотрит именно на неё. Шипение проникало в каждую нервную клеточку. Хуже всего то, что в воображении ещё толком не пришедшей в себя девушки небольшой паучок представлялся большим и мохматым монстром.

Алика мысленно встряхнулась, отгоняя от себя бредовое видение. Но, может, скука, а может, детские страхи повели её дальше: теперь она была крошечной букашкой, а паук медленно-медленно подступал к ней, перебирая своими мохматыми лапами, готовясь вцепиться в неё, впрыснуть яд и замотать безвольное тело в липкую, как клейкая лента, паутину. Он гипнотизировал её этими ужасными, огромными обсидиановыми глазами.

Алика внезапно почувствовала себя размякшей и беспомощной. «Только не это, только не бессилие!» – беззвучно молила девушка.

Она уже не могла ощутить границу между иллюзией и реальностью. «Только не смотри в глаза, только не смотри в эти адские глаза», – твердила она сама себе.

Спасаясь от наваждения, она зажмурилась. На смену кошмару пришли воспоминания. Сплетённые будто из тумана, оформившись, они стали ясными и отчётливыми.

Вот Алика, двенадцатилетняя девочка, с кровоточащим порезом на щеке сидит в ванной, обхватив обеими руками колени. Её лицо покраснело от слёз, а мокрый нос жалобно хлюпает. Но вот она встаёт, становится перед зеркалом, сжимает кулаки и тоненьким, ещё детским голосом, чётко выговаривая каждое слово, произносит: «Я больше не буду плакать! Никогда!»

А вот она, уже повзрослевшая, сидит в кабинете врача. Врач не торопится объявлять диагноз. Собираясь с мыслями, он пытается подобрать слова и, наконец, говорит...

Алика с каменным лицом слушает свой приговор. Её поразило громом, шарахнуло молнией, но она не плакала. Она с тех пор больше никогда не плакала.

Как бороться с бессилием? Что делать, когда не можешь изменить свою жизнь и бьёшься в оковах собственных сил? На эти вопросы Алика тщетно пыталась найти ответы. «Можно делать всё правильно и остаться ни с чем», – часто думала она, когда оставалась одна.

Сейчас её мысли приняли другой оборот: она нашла выход, она приняла решение – она будет бессмертной.

Одно видение сменилось другим. Из белой пелены возник силуэт девушки, ровесницы Алики. «Соня? – Собственный голос эхом раздался в сознании. – Выйди на свет, Соня!»

Силуэт был неподвижен.

Алике казалось, что она видит только наигранно наивные глаза своей одноклассницы.

Та произнесла: «Теперь ты снова одна. Я так и знала, ты снова никому не нужна». – Она говорила не грубо и не злобно, но Алика хорошо знала цену этой напускной наивности.

«Я нужна самой себе, и этого достаточно!» – в сердцах воскликнула она.

Силуэт растворился в воздухе.

«А ведь когда-то она была моей подругой», – только и успела подумать девушка.

Видения сменил крепкий сон. Постель стала мягче, а все звуки затихли. Даже чувство голода отступило, давая Алике возможность провалиться сквозь сон без образов и ощущений.

«Может именно так и умирают», – успела подумать она, прежде чем мышцы расслабились и замедлилось сердцебиение.

Она спала довольно долго, не ворочаясь и почти не двигаясь. Сон был спокойным. Её ничто не тревожило, никакие навязчивые мысли не просачивались через призму подсознания.

Пробуждение было на удивление приятным. Организм стал сильнее, а тело просило движения. Странно, но Алика не почувствовала в себе кардинальных изменений.

Она поднялась и попыталась прислушаться к внутренним ощущениям. Два верхних резца деформировались: они стали длиннее и острее, однако клыками их ещё нельзя было назвать. Ногти удлинились и стали твёрже. Изменилась и форма пальцев: фаланги удлинились, правда, не так сильно, чтобы это бросалось в глаза.

Нужно отметить: все изменения, которые обнаружила в себе новообращённая, были почти незаметны для человеческого глаза. «Интересно, как Илин управляет своими клыками и когтями?» – подумала девушка, но долго задумываться над этим не стала.

Она была по-прежнему голодна, но несмотря на это отупляющее ощущение пустоты в желудке, ей хотелось двигаться, и двигаться много. Невысокий потолок комнаты давил на неё. Обновлённое тело просило свободы. Нужно было вырваться, нужно было бежать, но, вместе с тем, Алика понимала: выходить наружу было нельзя. Она не знала, сколько ещё ей нужно здесь находиться.

Слова Илин перемешались в памяти. Алика хотела есть, однако любопытство взяло вверх. Она решила, что не совершит ничего предосудительного, если изучит содержимое шкафа.

Хозяйка дома на окраине продолжала оставаться для девушки загадкой, покрытой мраком тайны. Неудивительно, что Алике хотелось узнать о ней хоть что-то, а для того, чтобы понять человека или вампира, стоит обращать внимание больше на старые вещи, чем на новые, – на такие, которые не хранятся на виду. То, что не лежит на видном месте, как правило, не предназначено для посторонних взглядов, а то, что хранится в тайне, лучше говорит о прошлом, а значит, и кое-что о настоящем.

За деревянными дверцами крыльев жука было зеркало. Глаза Алики не проскочили мимо. С гладкой поверхности на неё смотрела другая, изменившаяся Алика: кожа стала более гладкой, синяки под глазами пропали, волнистые волосы стали гуще и тяжелее. Глаза в темноте отливали золотом.

Только шрам на правой щеке, начинающийся со скулы и заканчивающийся почти у уголка губы, остался неизменным. Шрамы никогда не заживают. Они – как клеймо, как пятно, которое не отстирывается.

Алика не стала внимательно рассматривать изменения в своей внешности. Её внимание привлёк старинный меч, лежавший на верхней полке.

Поднявшись на цыпочки, она достала оружие. Меч казался тяжёлым, но стоило девушке взять его в руки, как это впечатление тут же развеялось. Она стала сильнее и ощущала свою силу, даже несмотря на то, что она ещё не окрепла. Гордясь новыми свойствами своего организма, она разглядывала меч через, казалось бы, непроницаемую темноту комнаты.

Ножны были примечательны металлическим узором, изображавшим воинов – скорее всего, вампиров. Крестовину украшали два металлических клыка, изредка поблёскивающих в темноте. Меч был одноручным и, видимо, сделан под женскую руку.

Алика вынула оружие из ножен. Она хотела провести пальцами по сияющему лезвию, но докоснувшись, тотчас же отдернула руку. Кожа вздулась и покраснела, было очень больно.

«Как ошпарило! Пф-ф! – Алика ещё раз осмотрела непривычно светлое лезвие. – Так это же серебро!» – осенило её.

Серебро для вампира – не шутка.

Ожог проходил медленно – клетки Алики регенерировали пока ещё не во всю силу, и заживающие раны неприятно пощипывали.

Меч снова очутился в ножнах. Алика ещё раз посмотрела на рукоять – на ней странные символы образовывали причудливую вязь.

«Что же это может значить? И на каком языке это написано? – рассуждала новообращённая. Её пальцы осторожно коснулись символов. – Наверное, это имя меча. Или кузнеца, который его выковал».

Внимание девушки привлекла картина, стоявшая рядом со шкафом. Она положила оружие на место и переключила внимание на другой предмет.

На одной половине этой картины была изображена женщина в пурпурном платье с открытыми плечами, в то время как на вторую половину была наброшена ткань. Красивая черноволосая леди с локонами на средневековый манер смотрела на неё тёмно-голубыми глазами, грустными и почему-то сонными.

Алика узнала её: эта леди была Илин. Она выглядела так же, как и сейчас, не считая средневекового наряда и длинных завитых волос ниже декольте.

Но кто же был изображён на другой стороне картины? Алика отбросила атласную ткань. Перед её взглядом предстал мужчина с волосами цвета пепла, такими же длинными, как и у его подруги. Они держались за руки.

В отличие от тёплого взгляда мужчины взгляд Илин был, как и всегда, непроницаем. Незнакомец казался старше и мягче. Уголки его губ поднимались в едва заметной улыбке.

«Кто он? Жив ли он сейчас? Наверное, сегодня не время спрашивать Илин об этом». – Рассудив таким образом, Алика повесила ткань обратно, чтобы хозяйка ничего не заподозрила.

Рядом с койкой валялся медальон. Это был именно тот предмет, который новообращённая задела ногой и который так её напугал. Девушка подняла его.

Вещица была не то чтобы красивая, скорее необычная. На медальоне был изображён крылатый зверь без шерсти и с огромными клыками. Новообращённая даже усомнилась в том, что его могли использовать как украшение — он был слишком грубым и шероховатым. Однако вещица ей понравилась.

– Хочешь, можешь забрать его себе, – неожиданно прозвучал голос хозяйки дома.

Илин стояла за спиной и пристально изучала девушку. И как она вошла незаметно? Алика могла об этом только догадываться. Не сразу опомнившись, она возразила что-то вроде «Да нет, как я могу?»

– Да бери же, когда предлагают! – настаивала вампирша.

Алика не стала долго упираться и повесила медальон себе на шею.

Внимание её привлёк пьянящий запах крови. В руках Илин был стакан. Девушка не сразу это заметила. По лицу вампирши пробежало что-то вроде улыбки.

– Бери же, – сказала она.

Алика не могла не повиноваться. Стакан был холодным, как и его содержимое. Кровь не свежая – это сразу стало ясно.

Приняв стакан, девушка только прикоснулась губами к стеклянному краешку, но что-то её остановило, какое-то последнее сомнение, вспыхнувшее в душе слабым отблеском. Её рука дрогнула.

Однако, отбросив сомнения, она уступила инстинкту и голоду.

Алика в одно мгновение осушила стакан и выпила бы ещё много, но Илин сказала, что организму нужно привыкнуть, поэтому девушке пришлось довольствоваться малым.

– А я думала, ты дольше проваляешься. – Илин оглядела её руки, затем, плавно прохаживаясь по комнате, продолжила говорить как бы сама с собой: – Ну что ж, всё прошло благополучно. Поздравляю! Теперь у тебя началась новая жизнь, – она говорила себе под нос и очень тихо, но Алика без труда улавливала каждое её слово.

– Я могу выйти на улицу? Солнце мне уже не страшно? – не без дрожи спросила девушка. Теперь, когда её тело было сыто, пищи просила душа.

– Иди. – Илин перестала мерить шагами комнату и обернулась к девушке. – Свет дня для тебя уже безопасен, но... только сейчас ночь. Иди, но возвращайся к утру. Пока лучше не попадаться лишний раз на глаза местным ротозеям.

Алике не терпелось увидеть мир глазами вампира. Прежние трудности, казалось, остались позади. Она смело вступала в новую жизнь, пока ещё не успев осмыслить, какие перемены произошли в её организме, но, вместе с тем, ощущая их каждой своей клеточкой.

Услышав слова вампирши, она быстрым шагом вышла... нет, скорее, вырвалась из маленькой тёмной комнаты и, не задерживаясь больше в доме, выскочила в сад.

Небо тонуло в щедрых лунных лучах, и Алика поняла: это было полнолуние. Облитый серебристым свечением сад встретил её тишиной и спокойствием. Только уханье совы раздавалось в отдалении. Биологические метаморфозы завершились: малейший шум более не отдавался грохотом в голове, но слух всё равно был гораздо лучше человеческого.

Алика не ощущала ночной прохлады, её тело почти не чувствовало перепадов температур. Это ещё один дар, который она приобрела вместе с бессмертием. С выпитой кровью пришла и энергия. Всё тело было сильным и гибким, как у молодой пантеры. После трехдневного сна странно чувствовать себя вновь здоровой и сильной.

Природа была спокойна, и, вместе с тем, можно было слышать её голоса. Вместо привычных песен были трели ночных птиц, а лёгкий ветерок отдавался в сердце давно забытой мелодией счастья. От туй разливался бодрящий аромат эфирных масел, где-то шуршал полуночник-ёж, длинноногие лилии светились в темноте, будто волшебные цветы с другой планеты. До слуха доносились давно знакомые звуки и солоноватый запах моря.

Море шумело и зазывало, и Алика пошла на этот зов. Над волнистым от волн полотном, распластав огромные крылья, кружил белогрудый альбатрос. Какая-то беспокойная рыбёшка, промелькнув под лунным небом, сверкнула серебристой чешуёй и тут же скрылась в глубинах тёмного моря. Пахло илом, солью и свободой. Ветер напевал давно забытые мотивы.

Алика разделась и вошла в беспокойную воду. «Могу ли я теперь утонуть? Наверное, могу».

Волны били грубо, но новообращённой это даже нравилось. Нырять и подпрыгивая, она вспоминала, сколько было перечувствовано здесь, в этом море, сколько было передумано.

Вспомнила, как шум волн помогал разрушить оковы серой муторной жизни, как помогал вновь ожить и идти дальше.

Глава 9

Дар или проклятие

Светало. Первые лучи пронзали морскую гладь светозарными стрелами. Солнце отражалось в воде сияющей медовой полосой. Песок казался нежно-коралловым при свете утреннего солнца.

Рассвет произвёл на Алику странное впечатление. Новообращённая несколько дней не видела света, и теперь он раздражал её глаза. Девушка с удивлением отметила: ночью её зрение острее, чем днём.

Она по-детски обижалась на рассвет, который пришёл слишком рано и прервал её бессмертную ночь. Отряхивая песок и неторопливо натягивая одежду, Алика задумалась: и сколько она пробыла здесь, плескаясь в волнах и разгуливая по нелюдимому берегу? Наверное, часа два, а может, и больше. Время прошло так быстро! Неужели так кажется всем бессмертным? Кто знает, может, это тоже новая её особенность – не замечать время, а может, она просто давно не плавала.

Алика помнила слова Илин и не стала дольше задерживаться на берегу. Дорога вдоль песчаных барханов привела её к уже знакомой узкой земляной дорожке, лежащей между домами. Было часа четыре, от силы пять. Все жители ещё спали, и девушка спокойно добралась до коттеджа, казавшегося белым пятном комфорта на сером фоне деревенских домишек.

Илин сидела на террасе и что-то рассеянно читала, выстукивая ритм заострёнными ногтями. Сейчас она выглядела, как коротающая время за книгой обычная женщина, правда, с излишне длинными ногтями, но кто мог бы удивиться? Такова мода.

– Тебя долго не было, – сказала она, оторвавшись от своего занятия. – Больше не пропадай так надолго. Я думала, ты хотела только немного прогуляться рядом с домом, а ты была у моря.

Она дотронулась до мокрых, струящихся волос девушки.

– Теперь ты похожа не на вампира, а скорее на русалку.

Алика действительно была похожа на вышедшую из глубины моря деву. Бессмертие ещё не наложило мистический отпечаток на её внешность, но в эти сокровенные минуты рассвета, когда солнце ещё не вошло в полную силу и только слегка касалось нежными лучами лица, девушка казалась и вправду загадочным существом. Неровная полоса шрама на лице только усиливала это впечатление.

– Как ощущения, Алика? – спросила вампирша.

«Как ощущения?» – Девушка мысленно повторила её вопрос.

У неё едва ли хватило слов, чтобы рассказать обо всех своих ощущениях как физических, так и моральных. Да она и не задумывалась, какие у неё ощущения, она просто наслаждалась ими, вот и всё. Но Илин спросила, и Алика задумалась:

– Хм... наверное, раньше я чувствовала, что моя жизнь подходит к концу, а теперь я понимаю, что она только начинается, – после некоторого раздумья заключила она.

Илин только улыбнулась, и девушка в первый раз заметила, что это была вовсе не улыбка. Это была ухмылка.

– Ну что ж, я рада за тебя. – Она отложила книгу и ногой пододвинула стул к Алике.

Девушка снова оказалась напротив этой загадочной женщины. Она испытала смешанные чувства. Алика не боялась хозяйки дома, но опасалась, симпатизировала ей, но не доверяла.

Было в Илин и то, что раздражало Алику: она вызвала девушку на разговор, но не начала диалог первой. Нет, она чего-то ждала и изучающе разглядывала новообращённую.

– Вы хотите что-то мне сказать? – не выдержала молчания та.

– Поверь, я вряд ли могу рассказать тебе что-то интересное. – Вампирша пожала плечами и отстранённо поглядела куда-то в сад. – Расскажи лучше ты о себе: где училась, кто твои родители... ну, и что ещё обычно рассказывают в таких случаях.

Алике совсем не хотелось рассказывать о школе, о матери, Пустовалове и разных банальностях.

– Мне кажется, вы уже знаете всё это. Вы же узнали откуда-то моё имя и о моей болезни, и...

– Только это я и знаю. – Правый уголок рта Илин приподнялся в беззвучной усмешке.

– Почему вы смеётесь? – не поняла Алика.

Илин прогнала усмешку с лица и уже серьёзно сказала:

– Ты не обижайся, это не насмешка, это только старая привычка, только и всего. Но если ты не хочешь рассказывать, можешь ничего не говорить. Настаивать не буду. И, Алика, обращайся ко мне на «ты».

Хозяйке можно было от силы дать немногим больше тридцати, но Алике почему-то казалось, что она гораздо старше.

– Ну что ж... – Черноволосая вампирша картинно провела рукой по воздуху. – Если не хочешь рассказывать о себе, тогда можешь задать мне вопросы. А я уверена, их у тебя предостаточно.

Алика очень обрадовалась таким словам. Её уже давно мучал один очень важный вопрос.

– Илин, скажите... то есть скажи, зачем тебе нужно было обращать меня?

Она хотела спросить это ещё перед тем, как вампирша пустила себе кровь и дала ей выпить её, но разве тогда бы она получила честный ответ? Сейчас её собеседница была куда более расположена к разговору, а значит, и у неё самой было куда больше шансов узнать правду. Но так рассуждала Алика, а Илин не торопилась с ответом.

– Ты что, недовольна моим даром? – спросила она, наигранно удившись.

– Нет, но... мне бы хотелось узнать... – Алика осеклась.

По интонации Илин было понятно: она не собиралась быть откровенной.

– Ответь тогда на другой вопрос, – не унывала девушка. – Ты довольна тем, что ты сама бессмертна?

Вампирша повела себя странно: она ничего не ответила и только рассмеялась.

– Что смешного в моём вопросе? Вы... ты сказала, что я могу спрашивать то, что мне интересно.

– Довольна ли я своим бессмертием? – повторила Илин. – Что ж, ответ тебя удивит: я недовольна.

Алику этот ответ скорее разочаровал, чем удивил.

– Но почему? – спросила она с непритворным интересом.

Илин только грустно улыбнулась, как бы говоря: «Успокойся, девочка, ну зачем тебе это нужно?»

– Я имею право знать. – ответила Алика на этот немой довод. – Я теперь такая же, как ты! И мне это нужно!..

Вампирша перебила её:

– Мы живём в холодном мире... – как-то по-старчески заунывно начала она.

– В холодном, но прекрасном! – пылко прибавила Алика.

Илин в одно мгновение изменилась в лице и продолжила с горечью выдавшего вида старого человека:

– Послушай, что хочу тебе сказать. Я видела так много лун, что перестала их замечать. Моё тело не стареет и не постареет и вовек, но мои глаза устали смотреть на мир. Когда живёшь так долго, дни становятся похожи один на другой, тянутся серой цепочкой и уходят в некуда.

Если я получу глубокую рану, она скоро затянется и не оставит и следа. Но след, оставленный людскими пороками, не стереть никогда.

– Ты не любишь людей, а что скажешь о вампирах?! – с пылом спросила Алика.

– Люди, вампиры – да всё едино! Форм много, а суть одна: мелочные, тщеславные, суетные, иногда сердобольные – меня все они достали!

– Люди бывают разные. – Девушка была уверена в своих словах.

– Я опять же тебе отвечу: форм много, а суть одна.

– Тогда посмотри мне в глаза и скажи, что я мелочная. – Алика не могла смириться с таким ответом.

Илин подняла глаза на собеседницу, но бросаться такими словами не спешила.

– Мы подождём год, два, десять лет, если нужно, и посмотрим, как изменится твоё мировоззрение.

– Посмотрим! – с вызовом произнесла Алика.

Вампирша на какое-то время задумалась над словами своей собеседницы, а потом, как бы невзначай, спросила:

– Скажи, девочка, откуда у тебя этот шрам? Какие добрые люди его тебе оставили? – В её голосе звучала горькая ирония.

Глава 10

Шрам

Алику давно не спрашивали о шраме. За тяжёлый подростковый период у неё накопилось много мыслей, но она не привыкла озвучивать их, и теперь, когда её просили рассказать, она сильно ступевалась.

Она так давно хотела рассказать о своих злоключениях равнодушному человеку, а теперь даже и не знала, хочет ли ворошить прошлое, тем более сейчас, когда её сердце забилося с другой силой.

– Ты не хочешь рассказывать? – Илин сказала это очень мягко, по-матерински нежно.

Эта интонация окончательно склонила Алику к тому, чтобы рассказать всё.

Девушка ещё какое-то время собиралась с мыслями, чтобы сделать свой рассказ как можно более связным. Сделав глубокий вдох, она начала так:

– Это случилось где-то накануне майских праздников. Тогда я училась в шестом классе и, как любой школьник в этом возрасте, с нетерпением ждала выходных. Мы с моей одноклассницей Соней составили целый список развлечений. Кажется, мы даже хотели пойти в парк аттракционов вместе с её семьёй, что-то в этом роде. Но не суть.

В классе было душно и шумно, всем уже было давно плевать на уроки. У доски распиная Паша Мальков, тихий и картавый мальчик. В тот день именно он стал жертвой насмешек. Наша вечная задира Ангелина мешала и не давала ему собраться с мыслями.

Как назло, в тот день Паша превзошёл сам себя. Он запинаялся через каждые два слова. Каждую издевку Ангелины наши классные тролли поддерживали гоготом. Анна Викторовна лениво пыталась утихомирить класс.

Наша молодая учительница не так давно окончила университет. Наверное, профессию она выбрала случайно – пошла туда, куда взяли, в целом, как и многие...

Паша тем временем мялся и тупил над нерешённой задачей. У него закончился мел, и Ангелина выкрикнула первое, что ей пришло в голову.

«Пиши кровью!» – заорала она так, что Мальков вздрогнул.

Не помню точно, что сказала я – тогда я не придавала этому большое значение, – но я попыталась как могла защитить Пашу.

Ангелина не унималась. «Чё? Ты на кого сникерс катишь?» – проорала она мне.

Я тоже запустила ей то, что пришло мне на ум: «А ты на кого баунти разворачиваешь? Чьей кровью ему писать? Твоей, что ли?»

«Это мы ещё посмотрим, чьей кровью он писать будет!» – не унималась Ангелина.

Неизвестно, сколько бы мне приходилось отшвыриваться ругательствами, если бы Анна Викторовна не очнулась и не повысила голос до своего предела. Все утихомирились, и только иногда я слышала, как Ангелина нашёптывала всякие гадости про меня.

После уроков мы с Соней обычно валялись на плетёных качелях. Тот раз не был исключением.

Не помню, о чём мы там болтали, но долго болтать нам не пришлось. Мне в спину крикнули что-то типа: «Ну вот, посмотрите – наша острячка!» или «Ну вот заступница убогих развалилась!». Это была Ангелина. Её громкий голос можно было узнать издали.

С ней были два пацана, года на два старше нас, а может, и больше. Я раньше их не видела. Мне сразу стало ясно, что Ангелина проходила здесь не случайно. Готовясь к предстоящей разборке, я встала с качелей.

Когда я обернулась, Сони уже не было. Она была здравомыслящей девочкой и очень ловкой, особенно, когда дело касалось её шкуры.

«Лучше извинись», – посоветовал мне курносый пацан, сопровождавший Ангелину. Конечно же, я не извинилась и даже сейчас об этом ни чуточки не жалею.

Дальше начался обмен ругательствами. Ничего особенного, просто обычные подростковые матерщинные фразочки и обзывательства.

«Она думает, что мы блефуем. Ребят, надо её проучить», – сказала Ангелина, но её не послушались.

Конечно, эта нервная девка не на шутку взбесилась. Она натравливала парней на меня. У них был какой-то уговор. Как я поняла, Ангелина обещала пригласить их на свою днюху в Панда Парк, если они изобьют меня. Но, видимо, те передумали.

Тогда взбешённая Ангелина сказала, что-то типа: «А чё? Хотели просто для численного превосходства постоять? А дело сделать трусите?» Пацаны не были настроены агрессивно. Наверное, им совсем не хотелось попасть в участок из-за её прихоти. Курносый парень плюнул и ушёл, но другой почему-то остался.

Как я уже говорила, ни один из них не был настроен агрессивно, что неудивительно: они даже не знали меня. Я им ничего не сделала. Вот в чём загадка: зачем остался второй?

Илин прикрыла глаза и промолчала.

– Я не могу отгадать эту загадку четвёртый год, – продолжала Алика. – Наверное, он просто мало задумывался.

Было понятно, что делать мне больше там нечего. Я не испугалась и не убежала при встрече с их трио, значит, не струсила. Я уже развернулась и хотела идти, но меня остановили силой.

Ангелина всё-таки подбила парня, но на что? Он вцепился в мои руки и держал железной хваткой. На улице некого не было. Звать на помощь было некого, да и разве смогла бы я признать себя беззащитной?

Он развернул меня к лицу Ангелины. Всё происходило так быстро, я и не заметила, как в руках у неё оказался складной нож.

«Ты меня давно бесишь, сучка. Теперь будешь поскромнее», – сказала она и подошла ко мне совсем близко.

Она говорила ещё что-то, но я не слышала. Все мои силы были направлены на то, чтобы вырваться, и, кажется, у меня получилось ненадолго освободиться и вцепиться в эту стерву так, что та от неожиданности выронила из руки нож.

Но потом меня ударили в живот и толкнули на землю. В следующее мгновение пацан держал меня за волосы. Я думала мне отрежут клочок, но всё было гораздо жёстче, чем я могла представить.

Я не успела очухаться после падения. Моё внимание было сосредоточено на сильной боли в животе. Другой рукой пацан сдавил мне шею. Бороться я не могла.

Одно быстрое движение – и Ангелина порезала мне лицо. Правда, она хотела ещё отхватить прядь волос, но парень отдернул её: рядом шли прохожие. Эти двое бросили меня и убежали.

Прохожие не поняли, что случилась, так как я быстро поднялась и отвернулась, прикрывая рукой кровоточащую рану.

Я дошла до дома очень быстро, на автомате. К моему счастью, там не было никого кроме отчима. Но тот, как и обычно днём, да и вообще всегда, лежал на диване и не обращал на меня никакого внимания.

В тот день я была рада его равнодушию, как никогда. Не хотела, чтобы меня видели побитой.

Алика остановилась. Она хотела ещё что-то добавить, но эмоций было слишком много, мысли спутались.

– Красоту свою я сильно не жалела, – продолжила она. – Шрам был для меня больше знаком унижения, чем увечьем. Жаль, что так порезали, как овцу безвольную. – Дальше Алика рассказывала с надрывом и иронией.

– Мать пришла вечером, долго жалела меня и плакала. Она вообще была очень жалостливая. Обещала утром пойти в школу и разобраться. Утром не пошла, сказала, что не умеет умно разговаривать. Хороший аргумент, не правда ли? Но без защитника я не осталась. А-ха-ха-ха! Отчим вызвался добровольцем! Вуаля!

Праздники начинались только со следующего дня, Анна Викторовна осталась в школе разбирать тетради.

Вместе с моим неожиданным заступником мы пошли туда. Трудно себе представить, как удивился Пустовалов, когда в кабинете наткнулся на родителей Ангелины. Да он будто застрял в дверях.

Из-за его спины я услышала: «А вот как раз и отец той девочки». Я нутром почуяла, что родители этой заразы посмотрели на отчима совсем не приветливо.

Я редко запоминаю дословно слова, но то, что сказал тогда этот псевдозащитник, я запомнила на всю жизнь. Пустовалов принял торжественный вид и перешагнул через порог. «Ну... кхе-кхе... во-первых, я абсолютно не отец вот этой вот девочке. Во-вторых, я абсолютно не знаю, что она натворила».

Алика нервно дёрнулась и с ироничной улыбкой продолжила: – Родители Ангелины обвиняли меня в том, что я избилась их дочь. Какое глупое обвинение! Да они горой стояли за свою «милую» дочурку!

Мать состояла в родительском комитете, а отец был просто солидным человеком – этого было достаточно, чтобы внушить Анне Викторовне уважение к ним.

Я защищалась, как могла: «Кто, кто тогда, по-вашему, оставил этот шрам? Не сама же я порезала...» – Я так старалась достучаться до них, но меня просто не слышали. Мне было двенадцать, и меня считали за ребёнка. Да её мать вообще затыкала меня, как только могла, её голос перекрывал мой.

Все хором утверждали, что у Ангелины ножа не было и вообще она боится крови. В итоге меня вытолкали за дверь, «чтобы старших не перебивала». Там я слышала голоса то отца, то матери Ангелины, то подытоживающие фразы Анны Викторовны, но отчима я не слышала. Совсем.

Когда дверь открылась, я увидела, как он стоит и покорно кивает. Ха! Он всегда кивал, когда трусил или не знал, что сказать. «Дико извиняюсь, мне ужасно стыдно за неё, да чёрта с два она теперь из дома выйдет!» – бурчал он, с шепетильной улыбочкой раскланиваясь налево и направо. Такой вот он был, грозный Пустовалов!

Вряд ли он поверил наговорам, скорее всего, он просто не хотел связываться. Матери он наплёл, что я, хулиганка, шлялась с мальчишками, которые и порезали мне лицо, и теперь чёрт знает, где их искать.

На Ангелину, по его словам, я напала и чуть не убила бедную девочку. Видишь ли, отчим не хотел признаваться матери в том, что не смог меня защитить от наездов. На его слова она только сказала что-то типа: «Во, дурная голова ногам покоя не даёт!.. Шляться было нечего, сама теперь виновата!»

Меня пытались сажать под домашний арест, в школе Ангелина настраивала всех против меня, я чувствовала себя оплётанной и подбитой. Помню ещё, как хотела в окно выброситься.

– И что тебя остановило? – спросила Илин. В её глазах читалось неподдельное любопытство.

– Интерес, – кратко ответила Алика.

– Интерес?

– Да, именно, интерес к жизни. Мне было интересно, что будет дальше. – Эти слова Алика произнесла уже не с усмешкой, не с горечью, но с воодушевлением.

– А с Соней ты больше не общалась?

– Да разве после того можно общаться?! – Алика помолчала и в сердцах добавила: – Плевать я на неё хотела, после такого предательства!

Илин усмехнулась.

– Поверь моему опыту, девочка, это предательство совсем не велико. – Она посмотрела на Алику, как на трёхлетнюю, а потом добавила: – Годы учат снисходительности. Запомни это. Хотя... Впрочем, ты и так вспомнишь эти слова.

Глава 11

Неразгаданные мотивы

Неотъемлемой частью жизни вампиров была охота. Мутации в организме Алики уже закончились, и она могла охотиться, как и все бессмертные. Лес находился близко.

Стоило только подняться вверх по узкой улочке и взойти на холм, с которого начиналась длинная полоса деревьев протяжённостью около 2000 километров. Лес был диким, а потому охотиться в нём было можно, не опасаясь неожиданной встречи с людьми.

Его растительный мир составляли кедр и сосны, реже – тис. Животный мир был богаче: днём по деревьям то и дело сновали белки, кабаны рыли землю в поисках червей и личинок, а вечером выходила на охоту рысь, просыпались ушастые совы и улетали в поисках добычи.

Этим вечером Алика тоже была охотницей. Целью была рысь. Илин беглым взглядом заметила рыжеватого зверя и хотела показать Алике, как надо нападать, но новообращённая была на подъёме.

Не обращая внимания на окрики наставницы, она полетела навстречу зверю. Молодое животное приняло охотницу за добычу и прыгнуло, раскрыв в прыжке розовую пасть. Заключив друг друга в смертельные объятия, они кубарем покатались вниз с лесного склона.

Рысь порвала одежду девушки и оставила кровавые царапины, которые, правда, тут же зажили. Зверь был близок к шее охотницы, а это уже было опасно. Однако Алике всё же удалось вывернуться. Вскочив на ноги, она вцепилась в челюсть рыси и разорвала связки. Зверь был убит.

Вампирша, стоя наверху, только покачивала головой и загадочно ухмылялась. И можно было только догадываться что означает эта ухмылка.

Шли дни. Алика убедила Илин, что ничего страшного не произойдёт, если она будет попадаться на глаза соседям, и стала каждое утро ходить на море.

Новая жизнь вдали от центра города вполне устраивала её. С каждым днём она всё глубже и глубже погружалась в тайны жизни вампиров. Илин, скрытная Илин, стала её наставницей и даже подругой. Для загадочной хозяйки дома Алика была чем-то вроде подопечной или младшей сестры, с которой можно было общаться как с подругой, но которую в то же время нужно было постоянно поучать.

Они вместе охотились, вместе принимали пищу, вместе читали книги. Илин производила впечатление образованной женщины. Как уже знает читатель, вечерами она часто самоабвенно играла на пианино, иногда на выбор Алики.

По правде сказать, юная новообращённая не была большим знатоком классической музыки и поэтому всегда заказывала только одно произведение – «Hallelujah». Пианистка со сдержанной радостью принималась играть по нотам, которых у неё, как оказалось, была целая библиотека.

Такие часы музыки плавно перетекали в ночные прогулки. У Илин вообще всё было очень естественно и плавно, начиная с того, как она двигалась, и заканчивая гармонично обустроенным домом. За пианино она никогда не пела, но, бывало, тихо напевала хорошо знакомые ей мелодии, робкие и колеблющиеся, просачивающиеся через глубины сознания тёмной хозяйки.

Помимо пианино, развлечений в доме было ни так уж много. Илин не смотрела телевизор, хотя он у неё был, да ещё какой! Тонкая плазма на полстены, попусту скучавшая в одной из комнат, куда загадочная женщина почти никогда не заглядывала.

Не стоит удивляться такой странности. Не одна Илин приобретает вещи только ради того, чтобы купить. Этим грешат и многие простые, далеко не богатые мужчины и женщины.

«Купить, чтобы было» – Такое мышление может быть свойственно запасливым и практичным людям или ветреным любителям шопинга.

Алика и Илин, существа с двух разных полюсов, говорили на разные, в целом отстранённые темы. Иногда девушка рассказывала разные истории из своей жизни, но вампириша не обмолвилась ни словом о своей. А когда над темноволосой хозяйкой, как угрожающее копьё, нависал какой-либо нежелательный вопрос, она просто переводила разговор на другие темы.

Что касается остального времяпрепровождения, Илин особо не задумывалась над его организацией. Охотились через день, а то и реже. Делать это чаще не было необходимости: кровь хранилась в замороженном виде и всегда с запасом.

Ночью они всегда выходили на улицу. Всё дороги вели в центр, окраина быстро пресыщала. Загадочная жительница окраины терпеть не могла город при свете дня. Машины, множество людей и звуков – всё это раздражало её. Ночью город был другой, он даже дышал по-другому. Свет ночных фонарей освещал малолюдные улицы, звучала отдалённая музыка ночных клубов.

Алика всегда любила гулять поздними вечерами, но до знакомства с Илин она никогда не гуляла по ночам. Когда она была смертной, ей было чего опасаться, особенно когда она гуляла одна. Теперь же она стала сильнее, а значит, в безопасности.

Вместе со своей наставницей они часто поднимались на открытую крышу торгового центра – единственного в городе, который работал круглосуточно.

Глядя на город с высоты птичьего полёта и жадно вдыхая прохладный ночной воздух, Алика полюбила ночь. Ночью она оказывалась далеко от суеты дня.

Часто, ещё до обращения, днём она чувствовала себя полупустой, ночью же она почти всегда чувствовала себя наполненной. Мечты, образы, воспоминания, размеренная речь бессмертной Илин – это всё вдохновляло и в то же время успокаивало.

Алика чувствовала себя живой как никогда раньше. Оковы малорадостной будничной жизни рухнули. Теперь она навсегда молодая, а значит – свободная.

Законы социума не будут её касаться, ей не придётся гнуть спину над муторными учебниками, ей не придётся работать, чтобы обеспечить себя пищей. Она живёт в прекрасном коттедже, отстранённая от мирских проблем. И всё бы хорошо, но... она стала задумываться, откуда у её благодетельницы столько денег?

Илин не работает, и, как догадывалась девушка, не работает уже очень давно. А вдруг в какой-то момент её неисчерпаемые средства закончатся? Как они тогда будут жить? Девушку мучали эти и многие другие вопросы.

Опытная вампириша была хорошей спутницей в таких прогулках. Её присутствие никогда не обременяло Алику. Она не была навязчивой, не была она и громкой.

Блуждая по облитым разными огнями улицам, поздним вечером они часто заходили в бутики – как правило, по инициативе Илин. Алика восхищалась эстетическим вкусом этой женщины. Казалось, она знает так много не только о вампирах, но и вообще о жизни. Вампириша любила хорошо одеться и одела девушку по своему вкусу и подобию. Их часто принимали за сестёр, хотя единственное, чем они были похожи – это телосложением.

Сложно сказать, какого мнения была Илин о своей подопечной. В разговоре она почти никогда не критиковала её и была вежлива. А вежливость может быть препятствием к пониманию чужой души. Единственное, что можно сказать с уверенностью – она испытывала по отношению к Алике что-то вроде симпатии.

Что же касается самой девушки, то она, по своей неопытности, считала, что причина этой симпатии её внутренние качества. Иногда, а может быть даже очень часто, причиной симпатии является не наличие каких-либо положительных качеств, а отсутствие отрицательных.

Так, например, почти все родители любят своих детей не за что-то, а просто так. И всё бы хорошо, но мы редко задумываемся о том, что стоит за этим пресловутым «просто так».

Допустим, если бы в ребёнке, взрослом или малолетнем, доминировали ярко выраженные отрицательные качества, это бы сильно пошатнуло даже «слепую» материнскую любовь.

Говорят, что любят не за что-то, а просто так, но эти слова уж слишком смахивают на общепринятую шаблонную фразу, которую часто добавляют в разговор для красного словца.

В случае с родителями это чаще всего отсутствие отрицательных качеств, а в случае любви между мужчиной и женщиной – наличие тех качеств, которые цепляют. А страсть редко бывает настоящей, и чаще всего это не любовь, а просто временное чувство.

Что же касается расположения Илин к Алике, тут достаточно сказать, что вампирша не стала бы терпеть девочку, если бы та была навязчивой, невежественной или глупой.

Глава 12

Отголоски прошлого

Прошло около двух недель с тех пор, как Алика ушла из дома, оставив сестре только записку.

Этим утром она, по своему обыкновению, отправилась на море.

Солнце укрывали лиловые облака предрассветной зари. Чайки кружили над гладкой, как поверхность стола, водой. Жизнь ничто не омрачал – ничто, кроме мыслей.

Пребывание в городе постоянно грозило Алике встречей со старыми знакомыми, которые, должно быть, считали её без вести пропавшей. Такая встреча была неприятна тем, что слухи могли дойти до её сестры, а как поступила бы Ирма, узнай она, что пропавшая здесь, в городе? Девушка точно не знала. Стала бы она её разыскивать сестру, узнав, что та жива? Обратилась бы в полицию?

Если рассуждать таким образом, Алика рисковала поставить под удар Илин, а она этого очень не хотела. Нужно было принять решение и чем раньше, тем лучше. Промедление только отягощает.

Последним толчком было объявление на фонарном столбе.

Алика случайно наткнулась на него глазами и уже хотела проскочить, как заметила своё имя.

«Пропала девушка!

Фатисова Алика Сергеевна

2003 г.р. город N

Ушла 21 мая 2019 г.

*Приметы: рост 164см, нормального телосложения,
глаза серо-зелёные, каштановые волосы средней длины.*

Особые приметы: шрам на правой щеке.

Была одета: фиолетовая толстовка, джинсы.

*Всех, кто видел или может сообщить какую-либо информацию о
пропавшей, просим звонить по телефону:...»*

«Так-так, значит, Ирма подсуежилась. – Алика немного поразмыслила над тем, что заставило её сестру составить объявление. – Наивная дура! Даже если Ирма и хочет снова меня увидеть, это невозможно. Пути назад нет».

Скучающий покой Илин нарушил сдержанный стук в дверь.

«Алика бы в дверь стучать не стала, – она недоумевала. – Кто мог перелезть через забор? У Алики есть ключи. А може, это вор? Нет, глупости, вор бы не стал стучаться», – рассуждала она, приближаясь к двери.

Беспокойство не овладело ею: бессмертной незачем бояться воров и подвыпивших гуляк. Всегда спокойная и сдержанная, она медленно открыла дверь. Там стоял опрятно одетый молодой парень. Не тратя времени на долгие приветствия, он кратко отчитался:

– Вам послание. – И протянул хозяйке запечатанный свиток.

Как только Илин увидела печать в виде морды льва без гривы, она сразу резко изменилась в лице.

Можно только сказать, что она стала серьёзнее и вместе с тем уязвимее и чувствительнее, как будто она получила письмо от друга детства, с которым она рассталась очень плохо и теперь

не знает, как ей вести себя – радоваться или негодовать. Однако она быстро вернула своему лицу прежнее сосредоточенное выражение и сказала то, что должна была сказать:

– Спасибо, можешь идти. – И, не глядя на посыльного, взялась за ручку двери.

– Но Сидмон сказал, что вы должны прочесть его при мне.

– Что за глупости?! Только не говори мне, что для пушкого контроля, – она усмехнулась. – Или глава полагает, что я выброшу письмо, не прочтя его?

– Сидмон сказал, что свиток надлежит сжечь, – монотонно отчеканил посланник.

– И развеять пепел по ветру. Конечно. Излишние меры предосторожности. – Женщина, по своему обыкновению, одарила собеседника многозначительной ухмылкой. – Смертные никогда не поверят в наше существование. У них есть отвратительная склонность сомневаться во всём. Твой господин не знает этот мир. А я знаю, и поэтому... – она выдержала снисходительную паузу, – мальчик, не раздражай меня. Уходи и отчитайся перед своим господином, что выполнил все его предписания.

– Приказы, – поправил юноша.

– Да, приказы, – снисходительно согласилась Илин.

Парень неодобрительно хмыкнул. Он стоял, как пригвождённый, на своем месте и ждал.

Илин не могла просто хлопнуть дверью перед посланником. Такое поведение могло в будущем принести ей большие неприятности. Письмо, так или иначе, она прочла бы, а поэтому благоразумно решила уступить.

Она разорвала верёвку, наспех развернула свиток и бегло прошлась глазами по написанному чернилами тексту.

– Значит, меня призывают в замок, – заключила она. – Что ж, приятно осознавать, что они нуждаются в моей помощи. Передай своему господину, что я приеду так быстро, как только смогу. – Она хотела захлопнуть дверь, но, вспомнив что-то, поманила юношу пальцем. – И ещё, передай, что со мной будет новообращённая.

Посланник кивнул в знак того, что он всё понял и запомнил, и попросил Илин открыть ему дверь.

Женщина с медлительной небрежностью исполнила его просьбу.

Когда дверь, наконец, распахнулась, он повернулся к хозяйке и убедительно попросил её сжечь письмо.

На это Илин только иронично покивала головой: мол, куда же я денусь.

Юноша удалялся, а Илин смотрела на его современную одежду и думала: «Ловкий парень, сумел одеться так, чтобы слиться с толпой. Интересно, сможет ли Алика адаптироваться к новой среде?»

Не тратя времени и сил на туманные рассуждения о будущем, она отыскала среди ненужных вещей давно не используемую зажигалку и подожгла свиток.

Бумага медленно и красиво задалась огнём. Потянуло лёгким дымом, который тут же рассеялся и перемешался с запахами трав, деревьев и моря.

Когда Алика пришла, этот запах ещё стоял в воздухе, но девушка не придавала ему никакого значения. Она суетилась, её мысли были заняты другим.

– Илин, смотри. – Она спешно положила объявление перед женщиной. – Мне нужно как можно скорее уехать. Ирма, моя сестра, наверное, уже заявила в полицию. Илин, вдруг кто-то из соседей позвонит? Нужно торопиться! Это срочно!

– Не волнуйся, мы уедем. – Вампирша переплела руки и отошла к окну. – Очень скоро и очень далеко.

– Куда? – с волнением и восторгом спросила девушка.

Ответ был для неё очередной загадкой. Илин стояла вполоборота к ней и смотрела в окно. Подопечная видела профиль её лица – вампирша улыбалась. Улыбалась хитро, будто предвкусывая что-то.

– В Церион, – наконец, сказала она и, обернувшись, посмотрела на девушку уже совсем по-другому – наивно и по-матерински нежно.

Глава 13

Надежда

Единственное, что удалось узнать Алике: Церион – это замок, и не просто замок, а замок вампиров. К этому Илин никаких разъяснений добавлять не стала и, чтобы Алика не обижалась, пообещала ей, что скоро всё расскажет, когда они соберутся и тронутся в путь. Зная скрытный характер этой женщины, Алика понимала, что скорее эти слова – просто отмазка, нежели реальное обещание. Илин не из тех, кто раскрывает все карты. Скорее, она та, кто любит держать интригу и играть в игру, правила к которой придумывает сама. Эту черту её характера Алика, увы, заметила не сразу.

– Ты сказала, мы поедем уже скоро, – пыталась выведать информацию девушка. Она терпеть не могла неопределённости, к тому же у неё ещё было одно незаконченное дело в городе. – И когда же? Илин!

Илин, по-видимому прокручивала в голове что-то несомненно важное, так как вопрос Алики был обречён пролететь мимо её ушей. Она важно мерила шагами свою любимую комнату, отделанную красным деревом, и, казалось, была совсем далека от той, кого она самолично приблизила к себе.

– А, что? Повтори, – попросила она очнувшись.

Алика повторила.

– Не раньше, чем через два дня, – задумчиво ответила Илин. – На дорогу нужны деньги, даже вампирам. А мои финансы требуют пополнения. Тебе, наверное, давно было интересно, откуда я пополняю свой бюджет. Что ж, сегодня ты это узнаешь.

Алика вопросительно посмотрела на собеседницу, но та только сделала знак следовать за ней.

Описывая дом и участок, мы совсем забыли упомянуть о гараже, на который, впрочем, и сама Алика раньше не обращала никакого внимания. На машине Илин её не катала, да и сама хозяйка на памяти девушки ни разу не открывала незаметный гараж. Ох уж это предвкушение нового! Иногда мурашки по коже!

Сегодня тайные двери распахнулись перед девочкой из серого дома. В гараже стоял чёрный внедорожник, не блестящий и давно не мытый, но достаточно новый и презентабельный. Так странно, это мощное авто совсем не вязалось с той Илин, которую знала Алика. Та Илин любила роскошь, а не практичность. Однако несмотря на женственную наружность и любовь ко всему изящному, состоятельная хозяйка оказалась довольно практичной. И действительно, внедорожник соответствовал местности за чертой города.

Илин наспех протёрла стёкла. Алика забралась внутрь. Она чувствовала себя непривычно в огромном салоне, обитом кожей. Запах кожи, ощущение комфорта, высокая посадка, благодаря которой появилась возможность посмотреть на мир с нового ракурса, – всё это было так ново, а потому захватывающе. Пристёгиваться девушка не стала, сейчас она не видела в этом никакого смысла, к тому же она и подумать не могла, что сейчас может произойти что-то плохое.

Илин в первый раз на памяти Алики открыла ворота. Протерев руки по старой привычке влажной салфеткой, она завела машину.

– Но мы ведь ещё не уезжаем? – уточнила Алика. В городе у неё остался один долг, который ей непременно нужно было отдать перед отъездом.

– Нет, съездим по делам и приедем, – успокоила её Илин.

– А куда мы едем?

– Увидишь, пусть это будет сюрпризом, – снова прозвучал краткий ответ.

«Опять она недоговаривает, – вяло подумала девушка. – Вот досада, не может прямо сказать, куда едем!» Зачем расстраиваться? Алике было не привыкать: и мать, и сестра Ирма были людьми скрытными. Однако надежда – штука живучая, её никогда нельзя убить, можно только приглушить. Даже в отчаянии она украдкой прокрадывается в сердце, призывая на помощь свою неизменную спутницу – мечту. И Алика надеялась, что она обретёт в Илин мать, сестру и подругу – тех трёх людей, которых ей всегда недоставало.

– Дорога, идущая вдаль – мой рай, – сказала она и открыла окошко на максимум. Порывы свежего ветра играли с её спиралевидными прядками. – Илин, а ты мне когда-нибудь дашь порулить? – по-детски наивно спросила девушка.

Казалось, руки её собеседницы едва придерживали баранку, но придерживали уверенно.

– А ты умеешь? – неожиданно весело спросила она.

Алика не знала, что и ответить. Ей стоило больших усилий уговорить Пустовалова дать ей несколько уроков, но надолго отчима не хватило.

– Ну завестись могу, знаю, как поворачивать вправо, влево. Тормозить, правда, ещё не научилась.

Илин беззвучно рассмеялась.

– Что ты смеёшься? Разве я сказала что-то смешное? – недоумевала Алика.

– Когда-нибудь может быть, – туманно ответила Илин. – А пока не буду обещать. Не хочу давать ложных обещаний.

Алика не стала расстраиваться. Судьба нередко её обнадеживала, и поэтому неопределённость, недомолвки и обломы она привыкла принимать как данность. Да и к тому же, в целом, жизнь ей улыбалась. Пусть она потеряла мать, но зато она получила свободную жизнь. А свобода всегда дорогого стоит!

За окном то и дело стелились виноградники, бахчи с арбузами и налитыми соком дынями, купающимися в лучах горячего южного солнца.

– Дыни, дыни, свежие дыни! – кричал торговец. Алика бросила взгляд на палатку, но внедорожник промчался так быстро, что она не успела разглядеть ни торговца, ни дыни. «Теперь мне дыни без надобности», – весело подумала она.

Высокие горы сменили бахчи и виноградники. Их каменные цепи тянулись по обе стороны дороги. На одной горной стене были выдолблены фигурки юноши и девушки, бегущих друг за другом, – так показалось Алике, но моргнув, в другое мгновение она уже ничего не увидела, кроме серой каменной стены, чем-то напомнившей ей её дом.

– Ты видела рисунок на горе? – спросила она у попутчицы, но Илин давно уже ничего не мерещилось и не чудилось в рельефе серых гор. – Значит, показалось, – решила девушка и снова прильнула к окну.

Рисунок – иллюзия, зато горы изобиловали ничуть не кажущимися деревьями с искривленными крючковатыми стволами, кизилом с крупными красными ягодами и цветущими кустиками-гномиками, ненавязчиво примостившимися у стволов деревьев. Местами по горам стелились травы вперемешку с горными цветами янтарных, лиловых и нежно-голубых оттенков. Илин свернула с трассы на узкую незаасфальтированную дорожку, которая была так неприметна, что Алика сначала даже не заметила её. Никакими красками нельзя было описать эту поразительную дорогу. Вездесущие рытвины и ухабины были перебором даже для внедорожника. Автомобиль подскакивал, как на пружинах. Острые ветви сунулись в окно и лихо хлестнули девушку по носу. Алика подняла стекло, но несколько защемлённых веток всё же продолжили путь с ней. Внедорожник выехал на небольшое открытое пространство. Илин остановилась здесь.

– Вот мы и приехали, – театрально объявила она.

– Я ничего не вижу, – недоумевала Алика. Она огляделась по сторонам, но ничего необычного не увидела – всё та же лесисто-гористая местность, – Может, деревья вокруг денеж-

ные, и, если их хорошенько потрясти, купюры посыплются, – пошутила она, чтобы чем-то заполнить томительную паузу.

– Может, на кого-то купюры и падают, но я пока с таким явлением не сталкивалась. – С этими словами Илин вышла из машины. Алика последовала за ней. – Закрой глаза. – неожиданно скомандовала вампирша.

Алика выполнила эту странное повеление. Запах сырого камня сильно выделялся среди других запахов. Девушка открыла глаза. Под горой произрастали два клёна. Деревья тянулись друг к другу, словно нежные любовники. Их гибкие ветви переплетались вверху. Только сейчас она заметила за ними тёмное пятно.

– Там что-то есть, – произнесла она, вглядываясь в зловещее пятно.

– Верно! Умница, Алика, умеешь ориентироваться по запахам! А теперь иди.

– А ты?

– Я пойду следом.

– Почему первая иду я? – Голос девушки выдал её сомнения, которые, однако, Илин приняла за страх.

– Да не бойся ты! Если бы я желала твоей смерти, не стала бы тебя обращать.

Алика не любила долго колебаться. Разведя руками ветви, она не мешкая шагнула во тьму. Илин, как и обещала, шла за ней. Было очень влажно, и что-то постоянно капало на голову. Спустя мгновение Алика отчётливо разглядела в темноте каменные своды, серые и плачущие. «И как тут ещё сталактиты не выросли?» – весело, но с опаской подумала она. Сталактиты не выросли, зато на пути обрисовался валун, кривой и тяжёлый. Он имел очертания старца, сгорбившегося под тяжестью лет. Нос его был крючковат, глазницы пусты. Скрюченная рука опиралась на каменный посох, другая держала такой же каменный свиток. Надпись на нём гласила:

Сокровищ много ждёт тебя, но душу не криви.

В подземном царстве все они вовеки не твои.

К чужому руку не тяни, задумайся, глупец,

Или во мраке сей земли придёт тебе конец.

– Оптимистично, не правда ли? – беззаботно заметила Илин.

– Но это же предостережение, – возразила её спутница.

– Да и что? Неужели ты веришь во все эти небывлицы? – Вампирша усмехнулась. – этот камень поставил сюда обычный человек, жадный до денег, только и всего.

– А ты откуда знаешь? – Алика не приняла на веру её слова.

Уголок рта Илин снова растянулся в ухмылке.

– Тут и знать ничего не нужно. Немного логики, смекалки – и ответ готов.

Илин стояла, подталкивая девушку вперёд. Дорога была узкая, двоим было сложно разойтись.

– Я ничего не понимаю. Откуда здесь мог взяться этот камень? – недоумевала Алика.

– Ты ничего не понимаешь, я тоже. Бывают вещи, которые понять не дано. А теперь пропусти меня, я отодвину камень и открою проход, если ты трусишь. – Последние слова Илин произнесла очень холодно, надменно, так, как и планировала.

– Нет! – воскликнула Алика, – Я сама могу. – Она принялась усердно отодвигать камень.

– Так и знала, что ты не захочешь показать себя трусихой.

– Ты что, меня испытываешь? – проговорила в темноту девушка.

– Да нет, просто хочу лучше узнать тебя.

Даже бессмертной было сложно сдвинуть валун с места. После нескольких попыток Алика всё же откатила камень от прохода. Протиснувшись между камнем и стеной, они с Илин

по очереди прошли внутрь. Размытые ступени, высеченные из горной породы, казались бесконечной цепочкой, ведущей вниз.

– Это забытое людьми подземелье, – наконец, заговорила Илин. – Я смею надеяться, что об этом месте никто не знает, кроме меня, и надеюсь, что никогда не узнает.

– Когда ты пришла сюда впервые, скажи, надпись на свитке тебя смутила? – вкрадчиво спросила её спутница.

– Там написано не брать чужого. Но кто здесь обитает, кроме летучих мышей?

– Нет, – возразила Алика. – Там написано: «В подземном царстве все они вовеки не твои».

– Мышам сокровища без надобности, а вот нам пользу сослужить могут, – только и сказала Илин.

Алика решила, что спорить бесполезно.

– А откуда здесь мыши? – спросила она из любопытства, – Камень же плотно закрывает проход.

– Я не вникала, – пояснила вампирша, – но мне кажется, они залетели в какую-то щель сверху и облюбовали это замечательное место. Вот и гнездятся теперь в этой дыре.

Капли, разбиваясь о камни, гулко звучали в тишине подземелья. Длинная подземная лестница не была прямой, её повороты и неожиданные резкие спуски настораживали. Каменную стену испещряли вытесанные изображения людей. Глазницы их были пусты, а рты страдальчески открыты. Алика видела только немые изображения, но ей казалось, что она слышит их немой вопль отчаяния. Там были худые мужчины, женщины с высохшим телом, жмущиеся от боли дистрофичные дети с выпавшими зубами. Странная мысль пронзила мозг девушки: «Может, это настоящие люди, каким-то образом загнанные под камень?» Звук падающих капель казался всё ближе и громче. Алика остановилась и потянула руку к женщине с закатывшимися глазами, сжимающей в своих объятиях ребёнка. Казалось, фигуры сейчас оживут и задвигаются. Пустые глазницы матери смотрели прямо на неё. Лицо ребёнка было мокрым то ли от сырости, то ли от чего-то другого. Алика провела рукой по каменной щеке.

– Зачем ты остановилась, Алика? Это всего лишь камень. Ты привыкнешь. Поверь мне, тебе предстоит увидеть ещё много странного. А каменные фигуры оставь – это ещё не самое удивительное.

Алика не сразу послушалась свою наставницу.

– Я покажу тебе новый мир – мой мир, отличный от того, в котором ты жила. А это место, если не быть суеверной, никакой мистической нагрузки не несёт. Здесь просто раньше были рудники, возможно, ещё сгоняли прокажённых – вот и всё.

– Не может быть всё так просто. А как же каменные люди? Это же кто-то сделал, – вкрадчивым шёпотом произнесла девушка. – Я не понимаю, я просто не понимаю...

– Спокойнее, девочка, спокойнее. – Илин, стараясь поддержать Алику, дотронулась до её плеча. – Я не знаю, откуда они здесь, врать не буду. Но всё дело в том, что ты ещё не привыкла к своей новой жизни. Твоё воображение всё утрирует. То тебе что-то померещилось в горах, теперь ты шарахаешься от каменных изваяний.

– Я ни от кого не шарахаюсь, – твёрдо заявила девушка.

– Может, и так. Пойми только одно: мир устроен гораздо проще, чем тебе кажется.

– Вот тут-то я уверена в обратном, – снова возразила Алика.

Илин только пожала плечами: подобные разговоры утомляли её. Пусть она и выглядела на тридцать, всё же она была женщиной в возрасте, а женщины в возрасте, особенно те, которые считают себя достаточно образованными и выдавшими виды, терпеть не могут, когда молодёжь с ними не согласна или, того хуже, им возражает.

– Что мы вообще здесь делаем? – спросила Алика, когда они прошли почти половину пути – Я уже поняла, что ты хочешь меня сильно удивить, но лучше скажи сейчас. Когда я не знаю, куда иду, я чувствую себя некомфортно.

– Увидишь, скоро увидишь. Ещё каких-то полчаса пути, и мы у цели.

Алика пробурчала себе под нос что-то похожее на «ну, блин» или «вот опять», но возражать Илин на этот раз не стала. Да и разве в этом был смысл?

Запах крови резко ударил в нос. Пахло разлагающейся плотью.

– Камень точно так пахнуть не может, – высказалась Алика.

Она посмотрела на лицо своей спутницы – та тоже с удивлением распознавала запах. Каменные лица по мере спуска казались всё более грустными и страдальческими, а потом и вовсе из скорбных превратились в злобные. Между мальчиком-подростком и старой женщиной был проём в стене. Тухлый запах достиг своего пика. Девушка вытаращила глаза на то, что там лежало...

– Нашла на что смотреть! Ты что, раньше не видела ничего подобного? – удивилась Илин.

Мёртвая летучая мышь лежала с порванным крылом и выпущенными кишками.

– Кто её так? Ты же говорила, что здесь никого, кроме тебя, не бывает.

– Другие мыши, значит, задрали. Видишь на ней следы от мелких когтей?

Алика засмотрелась на мышь и совсем не заметила недостающей, размытой, ступени в лестнице. Она сделала шаг и, не найдя опоры, оступилась и покатила вниз. К её счастью, лестница уже подходила к концу. Приземлилась неудачно: вывихнула голень. Пришлось сделать над собой усилие, чтобы не вскрикнуть.

Илин мигом сбежала по лестнице. Её тонкие умелые руки нащупали место вывиха; кратковременная боль – и кость была на месте. Начался регенерационный процесс. Ощущение было странное, как будто в её теле что-то девушки стремительно движется. Какие-то несколько минут – и как будто ничего и не было. Алика уже сама поднялась на ноги и зашагала дальше как ни в чём не бывало. Ей фартило не часто, но с новым телом даже очень повезло.

– Вместо того чтобы смотреть по сторонам, лучше смотри под ноги. – Илин бегло взглянула на ногу девушки. – Ну как нога?

– Нормально, я уже не чувствую боли.

– Ну вот, теперь ты понимаешь, что значит быть бессмертной?

Впереди болтались стальные цепи, от скелетов почти ничего не осталось, но остатки их костей не могли ускользнуть даже от самого невнимательного взгляда. Путь лежал через широкий каменный мост над обрывом. Внизу бил небольшой, но быстрый подземный ключ. Стая аспидно-чёрных летучих мышей пролетела над головами идущих. Илин схватила одну и, быстро утолив жажду, бросила в пропасть обезвоженное тельце зверька. Минуя мост, они совершили ещё несколько спусков и только тогда вышли к подземному озеру.

– Придётся искупаться, – сообщила Алике Илин и, не теряя времени, залезла в ледяную воду. В каждом её движении чувствовалась уверенность и опыт. Теперь Алика видела её с другой стороны – сильную и практичную женщину.

– Зачем? – всё же спросила она, не желая слепо следовать за своим поводырем. – У меня нет никакого желания купаться здесь.

– Мы поплывём через подводный тоннель и выйдем там, где нужно. Да, и вот ещё что: придётся задержать дыхание.

– Другого пути нет?

– Если бы таковой имелся, я бы не стала мучиться.

– Сколько плыть под водой?

– Секунд сорок.

– Думаю, я выдержу.

Вода была кристально чистой, в ней отражались и массивные каменные мосты, и часть далёкой скорбной стены. Плавать Алика умела хорошо, но сможет ли она продержаться нужное количество времени под водой, этого она не знала наверняка. Тоннель был очень узким, с трудом удавалось разводить руки и ноги. Алика попробовала плыть по-русалочки, но это только замедляло процесс, девушка и так с трудом поспевала за ловкой Илин. Когда воздуха в лёгких было ещё достаточно, она плыла уверенно, но вскоре её щёки сдулись, а лёгкие изголодались по кислороду. Движения становились всё медленнее, а ноги Илин,двигающиеся со скоростью мотора, отдалялись и терялись в толще воды, оставляя на прощание только тысячи белесых пузырьков. Жаждающие кислорода мышцы, собственное тело, рывками продвигающееся вперёд, и голубое свечение вдали – вот всё, что чувствовала и видела в тот момент Алика. Упорство и безотчётное стремление к иллюзорной цели придавали ей сил. Как далеко нужно было плыть? Сорок секунд казались целой вечностью. Должно быть, Илин специально назвала не то время, чтобы не отпугнуть её. Как это подло! Биологические часы подсказывали, что она плывёт не меньше минуты. Она ещё могла мыслить и подумала: «Вот плыву я сейчас, и расстояние кажется мне таким огромным, непреодолимым. Выплыву – и этот путь будет для меня крошечным отрезком во времени». На последнем дыхании и почти потеряв надежду, она всё же упрямо продолжала барахтаться, свет становился всё ближе и ближе. Её старания были вознаграждены, и, наконец, она прорвалась сквозь ненавистный тяготивший слой воды. Жадно вдыхая подземный воздух, она ощутила сухость на своём лице.

Воды было по пояс. Алика очутилась в небольшойокруглой пещере. Своды её были усеяны небесно-голубыми прозрачными камнями. Неизвестные самоцветы отбрасывали свой чистый свет на потревоженную поверхность воды.

– Это камень надежды, – пояснила Илин, и на её лице проступила венозная сетка. При свете камней она казалась совсем синей, – рудничный камень. Существует легенда: когда рабы видели его яркое сияние, они шли к нему, думая, что они видят небо. Но их надежды не оправдывались. Они находили всего лишь драгоценный камень. Есть и другая легенда: если камень возьмёт тот, кто предал свою любовь, свет его потускнеет. Мы возьмём с собой несколько, и я продам их за хорошую сумму. – Она достала кожаный мешочек и, развязав верёвки, протянула его девушке. – Давай, Алика, собирай, – без малейшего стеснения сказала она.

Девушка достаточно быстро отделяла камни от горной породы. Когти вампира были остры, как нож, и прочны, как сталь. Такими когтями можно было управиться гораздо ловчее, чем киркой или каким-либо другим инструментом. Так Алика отделяла камень за камнем и складывала их в мешочек, который держала Илин. Та и вовсе не прикасалась к самоцветам. Её руки дрожали, когда она завязывала шнурки. Привязав мешочек к ремню брюк, она кивнула Алике и снова ушла под воду.

Девушка даже не успела себя подготовить к очередной пытке, но, по своему обыкновению, не мешкая, смело последовала за Илин.

14 Секрет счастья

Ночь повисла над полями и окутала бахчи тёмной пеленой тумана. Машины тонули в темноте, и только бронзовый свет фар предотвращал их столкновение. Лишь один водитель не нуждался в освещении. Илин не гнала, но и не тормозила. Она никуда не торопилась, но и искусственно оттягивать время тоже не хотела. Рядом с ней, как и прежде, сидела Алика. За окном мало что можно было разглядеть, кроме тёмного покрывала ночи, и девушка занимала себя тем, что разглядывала самоцвет, всё так же неизменно излучающий голубое свечение.

– Нравится? – вяло спросила Илин.

– Я никогда не видела ничего подобного, – честно призналась девушка.

Илин посмотрела на неё, будто говоря: «Ну вот видишь, я же говорила, тебе ещё многое предстоит увидеть».

– Существуют искусственные камни-игрушки, но этот нечто другое, – пояснила она. – Смотри, сколько у него граней. А переливов! В темноте он может заменить не одну лампу. Правда, днём их свет меркнет, но днём он и без надобности.

Алика с интересом слушала свою наставницу, но её волновал вовсе не камень.

– Ты говорила, ты не счастлива сейчас, – начала девушка. – Илин, скажи, ты когда-нибудь была счастлива?

– До того как меня обратили в вампира – возможно. После жизнь стала скучной, – кратко ответила женщина.

В темноте были видны только её белые клыки и белки глаз. Чёрные волосы и тёмная одежда, казалось, растворялись в общем фоне.

– Поясни. – Алика не могла смириться с таким ответом.

– Когда во мне текла смертная кровь, – неохотно начала вампирша, – я выживала. Мне стоило усилий заботиться о пропитании и о том, чтобы стра... – она осеклась, – и о безопасности. А потом, после обращения, утолять голод стало слишком просто, бояться было некого, даже сном забыться я больше не могла.

– Значит, стать бессмертной был не твой собственный выбор, – почему-то решила Алика.

– Мы вообще мало что выбираем в своей жизни. Мы не можем спланировать завтрашний день, мы не вольны в выборе профессии, так как всегда будут стоять какие-то ограничения, мы даже не вольны выбирать друзей. Взять хоть тебя и Соню. А те крохотные решения, которые мне когда-либо довелось принять, были приняты слишком спонтанно и спешно. И, знаешь, я вообще не понимаю что такое счастье. – Впервые за всё время её голос дрогнул.

– Для меня счастье в том, – продолжила мысль Алика, – чтобы каждый день случалось что-то новое, чтобы жизнь была многогранной и имела столько же переливов, сколько этот самоцвет. – Она покрутила в руке камень надежды.

– Это утопия. Ты обрела усовершенствованное тело с новыми способностями. Оно тебе в новинку, жизнь без родителей в новинку, моё общество в новинку. Но вечно это ощущение продолжаться не может, оно будет угасать, как пламя догорающей свечи. Ты мало жила, но, я уверена, пройдут годы, и ты меня поймёшь. – Она бросила беглый взгляд на Алику, и девушка догадалась: Илин очень хотела, чтобы она поняла.

– Ты умно говоришь, – нашлась Алика, – но моя точка зрения всегда останется при мне.

– Категоричность свойственна молодости, но в зрелом возрасте сохраняется только у глупцов. А пока я тебе ничего больше не скажу. – Илин прибавила газу, и машина стрелой помчалась по тонушей в темноте ночи трассе.

Глава 15

Долг

Как, наверное, помнит читатель, Алика говорила, что у неё есть долг, который она должна отдать перед отъездом, и, возможно, подумал, что она одалжила у кого-то деньги. Догадки логичные, но не совсем верные. Речь пойдёт совсем о другом долге. Алика твёрдо решила увидеть могилу матери перед отъездом. Она с трудом уговорила Илин одолжить ей балахон с просторным капюшоном. Вещей женщине было не жалко, но, осторожная, она опасалась, что Алику кто-то узнает в городе. Теперь, когда объявления были расклеены, выходить за пределы окраины было очень рискованно: Алика была несовершеннолетней, и ответственность за её исчезновение может лечь на ту, у которой она скрывается. Однако девушка была настойчива и уговорила Илин отпустить её ненадолго.

Место захоронения Алика по неопытности сразу не нашла. Девушка была вынуждена обратиться к служащему. Он спросил год и дату погребения и, узнав, что могила свежая, быстро показал захоронение. На могиле не было ни грунта, ни цветов, земля уже успела зарости сорняками. Алика принялась усердно дёргать одуванчики и прочую неприхотливую траву. Очистив землю, она положили на могилу собранные ею дикорастущие цветы. Любила ли она мать? На этот вопрос сложно ответить однозначно. Наверное, будет правильно сказать: любила, но только христианской любовью. Любовь дочери к матери подразумевает уважение, а Алика не могла уважать мать.

С надгробной фотографии смотрели всё те же вечно измученные глаза. И сколько ещё таких женщин, как Наталья, живут, мечтают, терпят, мучаются, но ничего не меняют! Всю жизнь они проживают вслепую, как будто по какому-то давно написанному сценарию, где ничего уже нельзя изменить. И непонятно, что их сделало несчастными: грязь в доме, полупустой холодильник или их собственное мировоззрение. Наталья редко давала оценку своим поступкам и жила одними лишь чувствами. Эти чувства и свели её в могилу.

Глава 16

Неожиданная встреча

Алика хотела уехать как можно скорее. С городом прощаться ей не хотелось – напротив, она спешила отправиться в путь. Однако, проходя мимо давно знакомого кафе, она невольно остановилась. Девушка помнила его ароматный кофе с пенкой в маленьких белых фарфоровых чашечках, овсяные печенья с корицей и душистый облепиховый чай, подаваемый в стеклянном чайнике с подогревом. Она немного помялась перед окнами и, не справившись с щемлящим душу чувством, зашла внутрь. Еда и напитки её больше не интересовали. Она зашла только затем, чтобы удержать за хвост призрачные отголоски прошлого. Сидя за крашеным деревянным столиком, она вспоминала, как ей нравилось забегать сюда зимой и греть озябшие руки о чашку горячего чая, слушать чьи-то непринуждённые разговоры, изредка вставляя свои фразы и молчать. Тогда ей казалось, что здесь есть что-то важнее чая и разговоров, что-то что она постоянно упускала. Досадно. Она не могла понять что именно, не могла она и насладиться мгновением. Сейчас она, наконец, поняла, чего ей тогда так сильно не доставало: свободы. Она жила, повинуюсь предписанному порядку, каждый день тоская тяжёлый рюкзак до школы и обратно, не зная другой жизни и не видя мир. Кто знает, зачем она зашла сюда сегодня? Внутри себя она ответила на этот вопрос, она объяснила это ностальгией. Но по чему у неё была ностальгия? По чему или по кому она тосковала? По друзьям, по вечерам или по атмосфере, она не знала. Может, по несбывшимся мечтам? Как жаль, что на этот вопрос никто не сможет дать ответ!

Алика оглядела кафе: интерьер всё тот же, всё те же подушки с орнаментом, мягкие диваны и те же бежевые стены с ненавязчивым узором. Единственное, что изменилось – это она сама.

На улице мелькнула чья-то поразительно знакомая фигура. В кафе зашла Ирма, за ней лениво тянулся худощавый парень с квадратным лицом и оттопыренными ушами, но, несмотря на это, бодрый и даже харизматичный. Они прошли мимо Алики, не заметив её, и заняли столик в другом конце кафе. Тем не менее, девушка слушала, что они говорят и хорошо слышала каждое слово.

– Ты, кажется, хотела сообщить мне что-то важное, – заговорил парень, почёсывая голову.

– Да... – Ирма терялась и с трудом подбирала слова.

Парень нервно шевелил ушами, как будто готовился взлететь в случае тревоги.

– Влад, я хотела сказать: мы так редко ходим в кафе... – запинаясь после каждой фразы, проговорила Ирма, – да и вообще куда-то ходим, что сегодня, в общем, стоит сделать исключение.

– Ты это хотела сказать? – Уши парня покраснели от напряжения.

Ирма на мгновение запнулась, над головами обоих повисла непроницаемая тишина.

– Ну, я привела тебя сюда, чтобы сказать... – она медлила, – что я беременна. – Признание стоило Ирме немалых усилий.

Уши Влада захлопали, как крылья колибри, но улететь ему так и не удалось. Ирма сжала его руку. Теперь ему даже убежать не удастся. В глазах её была надежда. Алика поняла: сестра сильно уязвлена. Руки Ирмы были близки к тому, чтобы начать дёргаться, а на губах была стыдливая улыбка.

– Ну что скажешь? – выпытывающе спросила она. Парень по-прежнему хранил молчание. – Я ещё хотела сказать... – робко продолжила девушка, и Алике искренне хотелось поддержать сестру, но это было невозможно. – Переезжай ко мне, а? – с трудом закончила Ирма.

Последние слова заметно исправили положение – Влад закивал головой и шёпотом произнёс заветное «да».

Возможно, Алика, услышала бы что-то ещё, но к ней уже приближался официант, а заказывать еду не было никакой необходимости, да и расплатиться-то было нечем.

Глава 17

Крик

По клавишам били неистово и неумолимо. Казалось, все птицы замолкли, прислушавшись к нарастающему крику. Сначала пианино всхлипывало, по-детски плакало и звало мать, затем, когда надежды не сбылись и дитя поняло, что оно осталось одно, пианино капризно захныкало и захлюпало. По нарастающей хлюпанье сменилось истерическими возгласами, которые, достигнув своего пика, резко оборвались. Началась ломка. В этой игре была вся жизнь. Подростковая ломка надрывалась и срывалась. Кисти стирались в кровь, и вместе с мясом стиралось то, что нельзя увидеть глазами. Но вопреки всему ещё звучали мягкие нотки, стон, мольба о помощи. Там был и плач навзрыд, и тихие слёзы. Вот раздался удар. Ударили по щеке, что-то внутри треснуло пополам. Единственные, едва прорезавшиеся светлые, добрые ноты исчезли. На смену им пришёл гнев, желание мстить миру. Явилась женщина, жадная на ощущения, потом – увядающая старуха, а после раздались шаги остывшего, но живого холодного существа.

У сонаты не было названия. Она сотрясала стены, то штурмуя их волнами, то поражая раскатами грома. В ней был плач, надрывающий грудь, и безумный крик. Слабо и сдавленно доносилась мольба о пощаде. Соната была яростной, соната была слёзной. В ней было битое стекло и вспоротые вены. Это была холодная, сломанная соната. Она не воспевала прекрасное, не поднимала дух. В ней пелось об отчаянии и о сломанных костях.

Исполнительницу, по правде говоря, мало волновали профессионализм и красота звучания. Главными были чувства. Обычно такая безнадежно спокойная, сейчас она кричала, кричала с помощью музыки. Текста у песни не было, только какие – то несвязные возгласы:

Но вот опять

Бессмыслица

Холодно

И какое-то непонятное слово:

Трейстен

Трейстен

Трейстен

Клац-клац по клавишам. Там, в груди, что-то тоже клацнуло. Надбровные мышцы были как никогда напряжены, мышцы рта расслаблены, нижняя губа опущена, а по щекам текли слёзы. Вдруг игра прекратилась. Держась рукою за нижнюю часть лица, она сползла на пол. «Трейстен, Трейстен, Трейстен, Трейстен», – и больше ничего. Она омывала пол своими слезами и вытирала его волосами. Сначала она лежала согнувшись в позе зародыша. Локоть прижат к локтю. Её билась дрожь, руки тряслись. «Ну я же смирила-а-ась!» – надрывисто протянула она. Голос дрожал. Она начала кататься по полу то влево, то вправо. А голос то летел вверх, то кидался вниз. «Почему мне так плохо? Почему жизнь моя бессмысленна? Почему?» – про-

износила она диким истошным голосом. Трепыхаясь, она задела ножку туалетного столика, зеркало с шумом упало, и осколки вонзились в ногу. От обиды и досады она вогнула крупный осколок ещё глубже. Вот так! Пусть будет ещё больше! И всё стихло.

– Ну всё, хватит, хватит, дорогая, – заговорила она вслух сама с собой. Конечно, так только казалось на первый взгляд. На самом деле говорила не она. Говорили её друзья, воображаемые друзья. Мать гладила её по голове и напевала колыбельную. Мать, которую она никогда не видела. Подруга, тоже никогда не существовавшая, убеждала: «Ты сможешь, ты справишься, ты ещё и не с такими кризисами справлялась». А он просто обнимал и прижимал её к себе.

– Что бы я без вас делала? – проговорила она сквозь слёзы. – Вы – всё что у меня есть, вы единственные, кто помогают мне. Только вы слышите меня в этом мире.

Она встала, вынула осколок и начала приводить себя в порядок.

Глава 18

Пустота

- Илин, ну мы едем? – прозвучал в прихожей голос девушки.
- Где ты была? – Интонация, с которой Илин задала вопрос, удивила Алику.
- На кладбище. Я же тебе говорила.
- Зачем? А, да, ты говорила, мать умерла. Сколько, ты говоришь, ей было? – Илин была очень рассеяной.
- Ей было сорок пять. Ты спрашиваешь это уже в третий раз.
- И впрямь, – непонятно к чему сказала старуха в теле молодой женщины. – Такая молодая! Мне бы так умереть!
- Ты слишком сгущаешь краски.
- Правый угол рта Илин резко подпрыгнул вверх.
- А я-то думала, ты меня поймёшь.
- Алика стояла в растерянности.
- У тебя брюки порваны. – Она не знала, что ещё сказать.
- Ах, да! Мелочи не обращай внимания. – Илин прикрыла рукой окровавленный кусок ткани. – Камни я продала. Деньги есть. Собери свои вещи, мы скоро поедem. А... и ещё, мне нужно уйти. Ненадолго.
- У меня нет вещей. Только немного одежды, но она тоже твоя.
- А, ну да! – Илин будто оттаяла после ледникового периода, но кровь её оставалась холодной. —Тогда не забудь взять медальон и... и самоцвет. Одежду найдём тебе на месте.

Алика кивнула.

«Как же я её иногда ненавижу!» – Илин стремительно зашагала непривычной для неё неуклюжей походкой. На пути она не совсем случайно задела шкаф и не совсем случайно ударилась о дверную раму. Больно ей или нет – какая разница? А, нет, уж лучше боль, чем бесчувствие. Куда она идёт? Едва ли она сама знала ответ.

Опомнилась она на перекрёстке дорог недалеко от центра. По всем сторонам пестрели модные бутики, кафе фастфуда и просто кафе, где-то ярким красным сердцем горела светодиодная рекламная табличка «Интим». Рядом стояли два подростка и прикидывали, идти им или не идти.

– Бесплезно, всё равно без паспорта не пустят, – бросила им Илин, мимоходом проплывая между ними.

Был выходной. Люди просто гуляли по городу, но даже прогуливаясь они постоянно куда-то спешили: спешили обменяться информацией, спешили получить удовольствие, спешили сделать селфи, спешили показать себя миру. Кучка студентов на ходу поела мороженое, двое мужчин обсуждали предстоящий пикник, а в особенности – алкоголь. Толстушка с энтузиазмом рассказывала о своей диете и утренних пробежках. Илин просто рандомно слонялась, всё для неё было серо, всё для неё было неприглядно. Попытки людей, их стремление к призрачному счастью и мимолётным удовольствиям казались ей ничтожными и жалкими. «Чего стоят все попытки, если результат окжется минимальным?» Удовольствий в юности она знала мало, а в зрелости лишилась, как она считала, самых основных из них: есть мороженое она не могла, гулять и беззаботно трепать языком – тоже. Высокие наслаждения были ей недоступны. Расстроенная непрошенными мыслями, хаотично забредавшими в её голову, она остановила первого встретившегося ей прохожего и ошеломила его неожиданным вопросом:

– Скажите, что для вас счастье?

Мужчина средних лет, на вид серьёзный не сразу дал ответ. Он сосредоточенно подумал и даже прикусил губу, а после сказал:

– Знаете, на этот вопрос сложно ответить так сразу, но я считаю, для меня счастье в самореализации.

– Вы имеете в виду карьеру?

– Ну, не совсем. Самореализация – очень обширное понятие. Но... – Он ещё некоторое время сосредоточенно размышлял, но ничего нового на ум не пришло. – Но, грубо говоря, да. Карьера имеет немаловажное значение. Ещё, конечно, друзья и семья, само собой разумеется.

Мужчина скрылся в толпе, а Илин попробовала представить себя целеустремлённой и деятельной, но у неё мало что получилось, так как она ничего не умела делать из того, что могло бы приносить легальный доход. «Наверное, я должна быть рада тому, что, не работая, живу в достатке». Она остановила пожилую женщину и задала ей тот же вопрос, что и мужчине. Та восприняла её как внучку, нуждающуюся в наставлениях, и потому дала ей подробные рекомендации, как надлежит жить и к чему стремиться. Для пожилой женщины счастье заключалось в семье, в том, чтобы все были здоровы, чтобы внуки поступили и сама она не болела. Женщина хотела тоже что-то спросить у Илин, но та поспешно забормотала: «Спасибо, спасибо, до свидания». Такое счастье было тоже недоступно Илин: детей у неё быть не могло. Не найдя ответа на свой вопрос, она поплелась обратно. «И куда мы пришли?» – Она хотела начать диалог с воображаемой подругой, но та на этот раз ничего не ответила. «И ты молчишь, что ж... – Она провела кровавую борозду вдоль вен, но порез тут же затянулся. – Как смешно, я даже выпилиться не могу!»

Глава 19

Преступное прошлое

Грядки, треугольные крыши, покосившиеся заборы, резиновые шины, запчасти от машины, разобранные сараи, ароматная сирень и белоснежная вишня – вот что видела Алика, пока Илин закрывала ворота. Предстоящая дорога – такая замечательная штука; хочется забыть все злоключения, выбросить из головы все проблемы, пустить мысли по ветру, слушать музыку и чего-то ждать. Ждать нового таинственного мира и, предвкушая тёплый приём, строить в голове воздушные замки – шаткие, но такие прекрасные. Кто осудит Алику за такое наивное мечтательное настроение? Разве после серого дома, болезни и дефила Пустовалова в трусах не имела она права представить себя желанной и принятой? К тому же ей было только шестнадцать. Кто знает, что ждёт её впереди? Жизнь мало кому не ломает кости, так пусть подростки мечтают вволю, пока у них это хорошо получается, а мы не будем путать мечтательность юного возраста с наивностью. За этими словами стоят два разных смысла.

Двигатель, наконец, задорно зарычал. Машина тронулась. Шины, сараи и треугольники крыш остались позади. Алика ещё какое-то время помнила аромат горькой сирени и сладкой вишни. Но вот внедорожник въехал на холм, и перед путешественницами открылся вид на часть города. Были видны домики-«скворечники» с резными окошками, словно из сказки, на подоконники которых так и хотелось усадить котов, полизывающих свои пушистые лапки, где-то, ближе к центру, виднелись кирпичные и блочные кубы и параллелепипеды. Голубая полоса моря яркой полосой довершала эту неоднородную картину. Авто ехало по петляющей дороге через вытянутый холм, который лучше будет назвать увалом. Сверху можно было видеть давно знакомую местность, только сейчас она просматривалась с другого ракурса. Проехали мимо старого парка, где часто собирались весёлые шумные компании. С высоты холма он казался крошечным. Алика смотрела на него как на что-то далёкое. Вечера с музыкой и подсветкой, концерты и квесты уже постепенно стирались из памяти. Дальше авто миновало границу города. Открылась другая, свободная дорога. Закатное краснополосое зарево пленяло своим яростным окрасом. Неоновые облака были наложены щедрыми мазками, сквозь которые едва просвечивало солнце. Неожиданно непонятно откуда взялся голубь. Он промчался у лобового стекла и едва не врезался в него. Илин выругалась, мол, крылатая тварь чуть в стекло не врезалась, но Алика только улыбнулась в ответ на её ворчание. Машина съехала с холма. Дальше они ехали по ровной поверхности. За каждым поворотом Алика видела что-то новое, и с каждым поворотом молчание всё больше утомляло её. Они ехали по ровной, но далеко не гладкой трассе. По обе стороны тянулась желтовато-коричневая степь.

– Илин, о чём ты думаешь? – спросила Алика, не выдержав молчания.

Женщина посмотрела в окно и сморщилась. – Степь меня замучила, тянется и тянется, проклятая.

– Степь как степь, – пожалала плечами Алика. – А чего тебе ещё хочется?

– Ну, вот чего угодно, только уберите это однообразие.

– А чем бы ты его заменила?

– Да в том-то и проблема, что заменить нечем. Для меня нет уже ничего нового в этом мире.

«Может, она действительно так долго жила, что для неё больше нет ничего интересного», – подумала девушка, а вслух спросила:

– Илин, я говорила о себе всё без утайки, теперь ты расскажи свою историю.

– Ты хочешь знать, как я стала вампиром?

– Нет, расскажи мне всё полностью: про детство, юность, про саму жизнь.

Илин на мгновение будто окаменела.

– Мне неприятно говорить об этом, но я всё же попробую рассказать.

– Я вся внимание, – сказала Алика, не собираясь рассчитывать на исчерпывающую откровенность.

Илин собралась с мыслями и начала с серьёзным видом начала рассказ:

– Я родилась в небольшой прусской деревушке. Родителей мне знать не довелось. Когда я была ещё в младенческом возрасте, мать отдала меня на содержание своей сестре, а сама уехала в поисках лучшей жизни. Моя тётка Ветта (её образ никогда не изгладится из моей проклятой памяти) была настоящим домашним тираном. До сих пор я отчётливо помню её лицо с крючковатым носом, напоминающим клюв хищной птицы. Её властный характер теснился в приземистом теле. Поверь, я никогда не видела женщину настолько широкую в плечах и кости. Уже в тринадцать я переросла Ветту, и, думаю, не только физически, а в шестнадцать была выше на целую голову. Жили впроголодь, а мне вообще еды доставалось меньше всех. У Ветты было пятеро своих детей, и, конечно, тётка кормила в первую очередь их, а потом уже меня, подкидыша. Поедание объедков было для меня образом жизни. Жалкое существование! Для Ветты я была лишь девочкой для битья. Она могла просто так поймать меня за ухо и отодрать ни за что. До сих пор в моих ушах звучит её приказка: «Родных деток бить для науки, а чужих можно и со скуки». Она с самого начала давала мне ясно понять, что держит меня из милости. Как унижительно, не правда ли? Но я другого и не знала. Приниженное, оплётанное, бесправное существо! Озлобленная на мир она влила свою злобу и в меня. Разве я могла сопротивляться? Ещё девчонкой я поняла, что никто, никто не позаботится обо мне, кроме меня самой.

Не выдержав гнёта, я решила сбежать. Ранним зимним утром, когда петухи ещё не пропели, а глупую луну не сменило холодное зимнее солнце, я выскочила из дома, наспех застёгивая миленькое красное пальто своей кухни. Это пальто было единственной красивой вещицей в нашем доме. По своей детской недалёковидности (а было мне тогда лет одиннадцать не больше), для побега я выбрала самую лютую стужу. Иглы мороза пронзали мне ноги, особенно пятки. Ступни быстро потеряли чувствительность, и ноги превратились в бесчувственные ходули. На этих-то ходулях я добралась до озера, которое позже я назвала Озером Плача. Я сгорбилась над водоёмом. Нежные детские руки потрескались в кровь, даже шерстяные варежки не спасали. Я припала к хрустальной корочке льда и, глядя на своё отражение, попыталась нарисовать в голове образ матери. Этот образ до сих пор со мной: такая же черноволосая, как и я, высокая и сильная, но заботливая и ласковая, такая... – Илин задержала дыхание, – такая, которая меня поддерживает всегда. – На какое – то время она задумалась.

– Всегда, – вкрадчивым шёпотом повторила Алика.

– Мои слёзы застыли ледяной корочкой на моём лице. Я ощутила щиплющую боль. Мои щёки были готовы треснуть. Я чувствовала себя инвалидом без рук и ног, так как они были отморожены. Таких морозов я ещё никогда не видела. А основная моя глупость заключалась в том, что пальто было осеннее. В своём оцепенении я обнаружила, что не могу двигаться. Я не знаю, сколько времени я так стояла, разрываясь от физической боли и от терзавшего меня страха, только помню, что сидела у пруда и плакала — сначала горько, но после того, как я заговорила с матерью, мне плакалось легко. И я утешалась в своих слезах. Мать гладила меня по голове своей ласковой рукой. Зло мира отступило и замерло, не смея вмешиваться.

Меня разбудил Блейз, двоюродный брат. Не знаю, как он отыскал меня, да я тогда и не задумывалась над этим. Он принёс меня домой и укрыл пуховыми одеялами. На тот момент ему было четырнадцать. Он был немногим старше меня, но в то время казался мне совсем взрослым.

Я была при смерти. Утешало то, что я больше не чувствовала на себе тёткиного гнёта и что Блейз был со мной. Поступившись своими убеждениями, я решила, что он будет заботиться обо мне не хуже меня самой. Он утешал меня в моих страданиях и, чтобы вселить огонь в моё угасающее обмороженное тело, отпаивал краденым глинтвейном. Алкоголь подогревал

мою кровь, а Блейз рассказывал мне простые истории из своей полуголодной жизни. Чудом, а, возможно, и благодаря глинтвейну, я осталась жива. После моего выздоровления мы с Блейзом были почти неразлучны.

Ветта промышляла воровством, а значит, этим промышляли и все мы, дети. Нас часто вывозили в город на промысел. В деревне сильно не разживёшься. Ветта натаскивала нас, дрессировала, как собак. Она указывала нам на тех, кто, по её мнению, являлся состоятельным, и мы, воришки, должны были просунуть руку в карман прохожего и достать кошель так, чтобы тот ничего не почувствовал. Бывало, кого-то ловили. Иногда получалось удрать. А вот, если скорость и прыть подводили, ребёнка швыряли в тюрьму. Потом, конечно, выпускали, но всё равно это было ужасно. Воровское ремесло мне претило, но, с детства свыкшаяся с ним, я жила им и в сознательные годы. А как иначе? Сознание мне было уже не изменить. Я сошлась с Блейзом. Не знаю к счастью или нет, но я не скоро поняла, что он уже не тот мальчик, который спас мне жизнь и согрел меня в юности – мальчик из него был лучше, чем мужчина. Садистские наклонности он перенял от матери. – Лёд в глазах Илин начал неожиданно таять и превратился в жидкость. Она надеялась, что Алика этого не заметит. – Всю свою любовь к нему, к людям, к миру... да всё, что осталось тёплого, мне пришлось похоронить. Ты спросишь, почему я жила с Блейзом? – неожиданно для самой себя обратилась она к Алике.

– Мне кажется, я понимаю, – ответила девушка.

Илин пощёлкала ногтями и немного откинулась в водительском кресле.

– Я была отнюдь не высоконравственной, но до Блейза мне было далеко. Я говорю это не для того, чтобы оправдать свои дальнейшие поступки, а просто для того, чтобы ты знала. И, пойми меня правильно, я ничуть не желаю казаться порядочнее на чьём-либо фоне. Что ж, кидать друг друга мы пока не собирались. Вместе было легче и... приятнее. Я была ловка и смекалиста, да и к тому же обладала природным даром – интуицией. Блейз же был расчетлив и чувал выгоду, как свинья чует запах трюфеля. Когда у нас начались проблемы с полицией в одном городе, мы переехали в другой, а после стали колесить по всей стране и не только. Так много мест и городов, где нас совсем не знали. Но один город мне запомнился навсегда.

В городе Z я сильно засветилась, а мой любовник оказался, как всегда, ни при чём. По его указке я, одевшись состоятельной дамой, пришла в ювелирный салон. Моей задачей было украсть дорогостоящее кольцо, которое являлось работой самого мастера Абеларда Ланге. Топаз так и манил своим блеском. Воспользовавшись моментом, я схватила кольцо и была уверена, что сделала это незаметно. Но ловкость на этот раз подвела меня. А жаль. Крепкий, как назло, ювелир схватил меня за руку и едва не поднял шум, но я пырнула его ножом в живот. Удар не сильный, но достаточный для того, чтобы крепыш стих на время. Как я узнала после, оклемавшись, ювелир с радостью описал мою внешность стражам правопорядка.

Как-то раз ночью мы с Блейзом угоняли повозку, гружённую дорогостоящими шёлковыми тканями, привезёнными с Востока. Лошадью правила я, Блейз оценивал награбленное. А городская стража тем временем не дремала. Как я позже поняла, наша ошибка была в том, что мы задержались в одном городе слишком надолго. Поэтому за нами смогли установить слежку. Конные стражники, вооружённые длинными копьями с засажёнными топориками, перегородили дорогу. Мой напарник выбрался незамеченным из крытой повозки, утёк шукой, оставив меня пропадать. Какая подлость! Проклятая память...

Приговор мне был один: смерть. Сидя в темнице, я уже было смирилась со своей участью, но мои соседи по камере не хотели мириться со своей. Я не могу знать, как давно их посадили. Должно быть, достаточно давно, чтобы они успели сделать ход в стене.

– И разве стража ничего не заметила?

– Когда нам должны были принести еду, ход загораживали кроватью. Наша камера находилась на первом этаже и выходила на задний двор, никем не охраняемый. Как по мне, большое упущение со стороны начальства тюрьмы. Итак, мы выбрались на свободу. А дальше каждый

был сам за себя. Тюрьма находилась на небольшом острове. С одной стороны через реку виднелся тот злополучный город, где меня схватили, а с другой не было видно ничего, кроме лесополос и полей. Пловчихой я была хорошей, однако ширина реки была четыре, а то и все пять километров. Лихо для изголодавшегося в тюрьме организма, не правда ли? Когда меня одолевала усталость, я переворачивалась на спину и лежала так, только едва шевеля ногами. Когда же силы чуть возвращались, я переворачивалась обратно и гребла, пока хватало воли. Добралась до берега я уже полуживая и сильно голодная. Еле перебирая конечностями, я поползла по холмистому, заросшему травой, берегу. Шутка ли плыть так долго без подготовки! До сих пор удивляюсь, как в воде у меня не свело ноги. Сама не знаю, как я смогла осилить такой километраж. Правда, нужда и не на такое подтолкнёт. Я заползла в лесополосу, опасаясь быть замеченной с другого берега, и, свалившись от усталости, крепко заснула.

С пробуждением ко мне вернулся голод. Была уже глухая ночь. Я огляделась – через стволы деревьев виднелся одинокий дом. Он манил меня, как свет в ночи привлекает мотылька. Переставляя ноги так быстро, как только было возможно, я доковыляла до спасительного прибежища. Попробовала дверь – было не заперто. Да и зачем запирается, когда поблизости ни одной живой души? Я беспрепятственно проникла внутрь. Изнемогая от голода, я хотела честно попросить хлеба и крова, умолить не сдавать меня тюремщикам, но хозяина не было, и я быстро вспомнила своё ремесло. Ничего съестного я не нашла, кухни не было и в помине. Зато я нашла другое: несмотря на усталость, быстро нашарила металлическую шкатулку. Там были в основном пряжки и перстни. Я попробовала один на язык – действительно, качественная работа. Но меня терзал голод, я сильно сглупила и не взяла ничего из шкатулки, и, как оказалось, очень хорошо сделала. Справляясь с голодными судорогами, я обшарила весь дом в поисках еды. Вот невидаль – не нашла ни крошки! Не теряя надежды найти съестное, я отыскала погреб. В доме не было даже свечек, пришлось искать на ощупь. В потьмах я опракинула какую-то склянку с жидкостью, та разлилась мне прямо на ноги. Я стёрла её пальцем со ступни и поднесла к носу – кровь, самая настоящая. Представь себе мой ужас! Я лихо трусанула и решила отправиться прочь, подальше от этого дома. Из-за сильной спешки я громко хлопнула дверью погреба. Звук гулко прокатился, быть может, в радиусе ста шагов. Со всей возможной быстротой я отдалялась от дома. Рядом послышался шорох. Кто-то шёл за мной. Меня охватил суеверный, обывательский страх. Все зачатки храбрости попрятались по дальним углам моего сознания. Сердце колотилось, как набат. О, такой слабой я себя чувствовала только в детстве! Это чувство было сродни ступору. Не смея оглянуться, терзаемая бредовыми домыслами, я бросилась бежать не сразу. Очухавшись, я сдвинулась с места и разогналась. Представь мой ужас, когда, споткнувшись о корень дерева, я упала и взбороздила лицом землю. Тот самый ужас и придавал мне силы, чтобы двигаться дальше, я сразу вскочила на ноги и бросилась дальше. «Стой, остановись, там обрыв!» – раздался голос за спиной. Но моё тело больше не повиновалось мне. Всё было будто сквозь сон. В какой – то момент я поняла, что больше ничего не ощущаю под ногами. Моё тело сделало кувырок в воздухе, затем все органы сотряслись, а кости загудели от боли. Я ждала смерти как избавления, но у меня всего лишь был сломан позвоночник и перебиты рёбра. Я лежала, распластавшись на земле, не в силах пошевелить даже пальцем.

Когда я открыла глаза, надо мной плыли верхушки деревьев, окутанные всё тем же мраком ночи. К телу не сразу вернулась способность чувствовать, но я ощущала чьё-то присутствие. Мою органы полыхали огнём, а сломанные рёбра резали кожу.

«Про-ошуу, убейте-е ме-ня», – простонала я слабым, еле слышным голосом.

Но, к счастью, а скорее – к сожалению, моей мольбе не вняли. Этот новый, доселе неизвестный привкус во рту я не с чем не могу сравнить. Наверное, это вкус вечных страданий. Меня бросило в дрожь. Паралич частично спал, но я была не в силах поднять голову, и перед глазами всё расплывалось. Верхушки деревьев слились в одной массе. Наверное, я бормотала какую-то

околесицу, обращаясь к матери и другим... ну, впрочем, не важно. Ребро было близко к тому, чтобы проткнуть кожу, а ног я всё ещё не чувствовала. Перебитые, они безвольно болтались в воздухе. Мыслить связно я не могла, как и не могла понять, что со мной делают и где я нахожусь. Ребро прорвало кожу. А-а-а! До сих пор всё так отчётливо помню. Все мои судорожные догадки сводились к тому, что меня куда-то несут, а куда именно, мне было всё равно, лишь бы скорее всё это кончилось. Я никому не рассказывала, но теперь не в силах молчать. Мне что-то говорили, но слова казались мне несвязным бурчанием. Вновь попытавшись молить о смерти, я поняла, что не слышу своих собственных слов. Я потеряла слух, зрение, разум, впала в беспамятство.

Окончательное пробуждение было в стенах дома. В полутьме мои глаза, как ни странно, видели хорошо. Я смогла даже ощупать своё тело – ребро больше не выпирало. Ноги могли ходить. В дверном проёме я увидела силуэт. Меня передёрнуло. Он стоял, как статуя. Я уверена, он отлично меня видел и изучал каждую черту моего лица. Не в силах сказать ни слова, я покорно ждала, смиряясь перед лицом неизбежного.

– Зачем?

– В смысле – зачем? – Илин растерялась.

– Зачем смиряться?

– Бунтуй не бунтуй – всё без толку. – Илин поглядела на самоуверенную девчонку и только махнула рукой. – Его звали Трейстен, – продолжила она. – Убивать меня он не хотел, как и не хотел обращать в вампира. Но ему пришлось это сделать, иначе бы я не выжила. Он вообще был очень добр ко мне. Своё прошлое я скрыла. Пришлось притворяться, что мне отшибло память и я ничего не помню. Низко, неблагодарно, но иначе я не могла. Он передел меня в платье, которое приличествует леди, каковой я, увы, не была. Образованный и начитанный, он был моим учителем, а я была его способной ученицей. Его манеры, его любовь к музыке перешли ко мне и стали мною.

Трейстн путешествовал по миру и останавливался там, где ему нравилось. В одиноко стоящем доме, в лесу, он прожил около двух лет до моего появления. Теперь он хотел прервать свои странствия и вернуться в родной замок Церион. Лесная местность начала ему уже надоедать, однако он дал мне полгода жизни вдали от людей, чтобы я успела привыкнуть к другой себе. Когда я немного забыла своё смертное прошлое, он объявил мне, что планирует добраться до того самого города, где меня арестовали, и прокладывать дальнейший путь уже оттуда. Опасаясь новых неприятностей, я рассказала ему всю правду о себе. Он выслушал молча и изменил свой маршрут.

Когда мы прибыли в замок, Трейстен, конечно, умолчал о моём преступном прошлом. Благодаря природной смекалке и своей покровительнице фортуне я дожила до того, что меня стали даже уважать, а позже восприняли как свою.

– Тогда зачем ты ушла оттуда?

Илин пожала плечами.

– А что случилось с Трейстеном?

– Я его с тех пор не видела. Знаешь, я всё тебе рассказала. Дальше я перебралась жить в твой город... ну, а дальше ты знаешь.

Глава 20

Диалог

Многочасовая езда утомила. Энергия искала выхода, а разум – свободы. Илин остановила машину в посёлке городского типа, рядом с большим прудом, у которого столпилась кучка детей разного возраста. Дети с нетерпением ждали, когда к ним подплывут утки. Некоторые пернатые, устав после дневного полёта, только приземлялись на давно знакомую поверхность пруда. Смешно оттопыривая красные перепончатые лапки, они с брызгами планировали на воду. Оставляя за собой длинные полосы, они смело подплывали к детям, вернее – к хлебу. Чёрные и белые крошки пригоршней сыпались с щедрой руки. Ребята пытались приманить забавных птиц как можно ближе.

Одному мальчику очень хотелось поймать селезня, но у него не было денег на хлеб для приманки. Стоять и смотреть как забавляются друзья, которые уже совсем забыли о нём, ему не хотелось. К тому же мальчик был по-своему находчив. Как жаль, что это качество не всегда служит во благо! «Нет хлеба – буду швырять камни», – подумал он. И ввиду отсутствия другого развлечения он принялся целиться и бросать камушки в птиц. Утки, недовольно крякая и хлопая крыльями, угрожали скорым отлётом.

– Им же больно! Идиот, что ты делаешь?! – взбунтовались ярые фанаты водоплавающих птиц.

– Ну и что? – огрызнулся озлобленный ребёнок. – А мне, а мне... – Он не договорил, ему не дали. В ушах звучали безостановочные упрёки: «Они же живые, им больно! Как так можно?!» – Мне тоже больно, – буркнул себе под нос пристыженный ребёнок. Какая-то старуха отпустила в его адрес ругательство. Закрывая руками опухшее лицо, он убежал, спрятался от мира в кустах. Там его всхлипований никто не слышал.

– Отвратная погода. – Илин громко захлопнула раскалённую дверь авто. – Солнце глаза слепит. И к тому же я очень, очень голодна. Боюсь, что количество тех детей, – она качнула головой в сторону пруда, – к вечеру убавится.

– Да брось, ты же не пьёшь человеческую кровь, тем более детскую. – Алика посмотрела на ребят: они так мило кормили уток, однако она видела, как бежит кровь по их жилам, а пухлые щёчки наливаются соком на солнце, как спелые яблоки. Она не сразу отвела взгляд.

Илин усмехнулась, она обо всём догадалась.

– Ну вот, теперь ты понимаешь, о чём я.

Алика не стала отрицать, что тоже чертовски голодна.

– Проблема в том, – продолжила старшая вампирша, – что поблизости нет леса с дичью, где бы мы могли свободно поохотиться и насытиться. Видишь ли, это одна из основных проблем вампира – найти, чем поживиться во время путешествия. Может, ты скажешь, где взять пищу для наших изголодавшихся тел? – Она артистично прищурила глаза.

– Да просто нам нужно сесть обратно в машину и доехать до леса. В этой полосе много диких лесов. Какой-то час – и мы у цели, – предложила девушка.

Илин снисходительно улыбнулась.

– Во-первых, ты точно не знаешь, сколько нам придётся ехать, во-вторых, наша жажда не даст нам покоя в течение этого времени. Я уже начинаю не на шутку звереть.

Алика вместо ответа впила ногтями себе в кожу: сущность вампира боролась с её убеждениями. Илин испытующе смотрела на девушку, ей нравилось наблюдать эту внутреннюю борьбу.

– Ладно, – наконец, сказала женщина, – расслабься. У меня здесь есть знакомые вампиры, которые будут рады нашему обществу. Они нас голодными не оставят.

Братья Влад и Таис жили в блочном доме, окна которого выходили в подворотню. Внешне они были поразительно похожи: оба альбиносы, и у обоих верхняя губа была бантиком. Отличие состояло в том, что у младшего брата, Таиса, на левом глазу было бельмо, а правый часто и нервно дёргался. Что касается их поведения, Влад был достаточно общительным и даже навязчивым. Таис находился как бы в его тени, много молчал, а потому до сих пор остаётся для писателя личностью крайне загадочной.

Двух горожанок братья встретили хорошо и даже очень обрадовались им. Вкус крови, которая была предоставлена тут же, был знаком Алике. Однако девушка никак не могла вспомнить, где она могла пить нечто похожее. На её вопрос «Чья кровь?» все только рассмеялись, а она от неожиданности ступевалась и не смогла найтись что ответить.

– Голубиная, – наконец, с хитрой улыбкой на лице ответил Влад.

– Голубиная?! Этих летучих крыс? Илин, я вообще не понимаю, как ты это пьёшь! – Алика пыталась придать своей речи шуточный тон, но у неё это получилось по-детски неумело и только вызвало смех.

– Одно дело, когда летучая тварь врезается тебе в лобовое стекло, – сказала Илин, краем глаза поглядывая на Влада, – и совсем другое, когда ты пьёшь её кровь. – Сказав это, она картинно подняла бокал.

Братья рассказывали о своей работе, о жизни в людском обществе и о тоске по старым временам. Для порядка они пожаловались на власть и поругали политиков. Черноволосая вампириша кратко описала им свою жизнь в коттедже у берега моря, не забыв упомянуть о том, что она держит путь в замок Церион. Эх, не всем везёт так, как Илин! Не каждому удаётся обогатиться на подземных сокровищах, построить коттедж и, что самое главное, получить приглашение в замок.

Дождавшись ночи, Влад по-джентельменски подал руку Илин.

– Мне столько нужно тебе рассказать. Илин, не хочешь ли прогуляться со мной? – предложил он, заранее зная, что отказа не будет.

Они вышли. Алика видела как эта странная пара торжественно прошествовала по подворотне. Она держала его под руку. Как романтично!

– Что расскажешь? – обратился к Алике Таис, о котором она даже как-то забыла – настолько он был несловоохотлив, когда они сидели вчетвером.

– Я не знаю, что рассказать, – честно ответила девушка. – Разве что-то может удивить вампира?

– Постой-ка, ты тоже вампир, как и я, – лукаво заметил альбинос.

– Я ещё недавно была человеком, а это значит, видела ещё очень мало. А ты, мне кажется, старше, чем выглядишь на первый взгляд.

– Ты права, – отметил он. – Я старше, чем выгляжу. А что ещё тебе кажется?

– Что ты вампир не по праву рождения.

– А тебе доводилось видеть вампиров по праву рождения?

– Ещё нет, но я их скоро увижу.

– Ах, да, замок Церион. – Таис неодобрительно покачал головой. – Не лучшее место для обращённых. Вампиры древних родов слишком высокого мнения о своей крови. Чужие там ни к чему.

– Если не примут, всегда смогу уйти. – В словах Алики впервые за всё время нашего знакомства с ней прозвучали беспечные нотки.

– Даже одна, без Илин? Без своей подруги? – удивился её собеседник.

Алика с минуту подумала.

– Даже одна. Я иду своим путём, она – своим.

– Ха, это смахивает на какую – то загадку: вы идёте разными путями, но одной дорогой и в одно и то же место.

– Мы можем идти по одной дороге, но каждый из нас останется при своём. А по друзьям лучше не судить о чём... о ком бы то ни было.

– А вот здесь, я с тобой даже соглашусь. Друзья – ступени большой лестницы, которая называется жизнь. Они приходят, учат нас чему-то новому и уходят, а ты поднимаешься дальше.

«Или опускаешься», – подумала Алика, но вслух этого говорить не стала.

Луна, светившая через распахнутое окно, отражалась в белом глазе Таиса. Сейчас он действительно выглядел не по-человечески страшно. Он был обращённым, но Алике всё казалось, что он вампир от рождения. Он не родился с бельмом на глазу, почему-то у девушки не было в этом сомнений. За этим увечьем стояла какая-то ужасная, недоступная ей история, и это делало Таиса ещё страшнее и загадочнее в её глазах. Знакомый Илин. С ним что-то было не так. Что-то было не так не только снаружи, но, что самое страшное, внутри. Алика готова была разгадывать и узнавать, но не все карты открываются сразу, а многие не открываются и вовсе.

В нём точно было что-то сломано и вырвано с кровью. Может, ещё в детстве... а может, когда он уже вошёл в сознательный возраст.

С улицы потянуло запахом сигарет. Алика не курила, но почему-то сейчас ей был очень приятен этот запах, этот грубый табачный дым. Его было так много, что он проплыл облаком между ней и Таисом, и она этому только обрадовалась. Пахло и улицей. Пахло именно так, как пахнут грязные улицы: мусорным баком, алкоголем и алкашкой. Из окна были видны граффити —любительские и почти профессиональные. Это всё как-то внезапно понравилось Алике. Что-то было не то с кровью. Она не была похожа ни на кровь рыси, ни на кровь кабана, ни на кровь мелких животных. Она нравилась Алике, как нравится хорошее и ранее не знакомое вино. «Ещё», – сказала она и подала бокал. Таис налил. Кровь у них хранилась в бутылках, и это тоже придавало сходство с вином. «Ещё, я хочу ещё», – просила Алика. До этого она никогда не пила больше меры. Дым с улицы был хорошим фоном к их застолью без еды. Таис снова замкнулся и почти ничего не говорил. Да и зачем, когда и так было хорошо?

Тем временем пара, Илин и Влад, прогуливалась вокруг пруда. Ночь была безоблачная. Красавица луна роняла нежный свет на воду, а пруд, овальный и широкий, принимал эти лучи и давал возможность рассмотреть стайки серебристых рыб-полуночниц, группировавшихся недалеко от берега.

– С тобой всё не так, как обычно. Даже мальчишка попался с такой густой кровью, что у меня чуть губы не слиплись. – Влад аппетитно причмокнул.

– Зря ты сказал это, про голубиную кровь, она может не поверить.

– Да брось! Девчонка? А даже если не поверит, будет сомневаться, то что с того? Каждый вампир когда-нибудь пробует человеческую кровь. И милая девочка не будет исключением, – изменившимся голосом произнёс Влад. – Но хватит о ней. – Он остановился напротив Илин, носки его обуви были направлены в её сторону, а руки тянулись к талии.

Вода была мягкой, улица – безлюдной. Дикорастущие кусты были надёжной ширмой.

Ну что ж, не будем им мешать и снова вернёмся к Алике и Таису.

Зрачок под бельмом едва проглядывался. Алике казалось, что он устремлён именно на неё. Что скрывалось под его пеленой?

Может, ум и рассудительность, а может, безумие. Казалось ли ей, что правый глаз Таиса дёргается уже не так часто, или она просто привыкла? Странно, но ей даже начинало нравиться

белое лицо с белыми бровями и белым пушком на щеках. Нравилась эксцентричность, пусть и настораживала некая андрогинность.

– Каков твой путь, Алика? Какова твоя цель? – спросил он вполне серьёзно (и, по мнению Алики, чересчур серьёзно). Его язык отличался от современного. Теперь это чувствовалось.

Если бы наш путь и наши цели можно было обозначить парой предложений, всё было бы слишком просто.

– Моя цель – жить достойно, – дала она ответ, совсем не претендующий на то, чтобы быть исчерпывающим. – Я не хочу, чтобы моя жизнь была похожа на жизнь большинства, я не хочу, чтобы она была, вообще похожа на чью-либо другую. Хочу, чтобы в ней были свои парадоксы и свои загадки, свои собственные, никем ранее не преодолимые тернии и свои собственные, никем до меня невидимые розы. Не хочу подражать, хочу жить! И этим всё сказано! – Алика сказала то, о чём много раз задумывалась, но никогда не облакала в словесную форму. Сказав, она удивилась пафосу и деланной важности своих собственных слов.

– Совсем не всё, девочка, совсем не всё.

– Я верю. Но тогда скажи ты, что для тебя жизнь и есть ли у тебя цель.

Таис по-старчески улыбнулся. Он умел говорить складно, но не любил, когда ему задавали вопросы.

– А вот интересный вопрос: существует ли справедливость? – изрёк он вместо ответа.

– Существует. – Алика на всё старалась отвечать с уверенностью, без колебаний. – Справедливость существует, но её нужно заслужить.

Таис открыл рот для нового вопроса:

– А как её заслужить?

– Справедливость даётся достойным, тем, кто не кривил душой и был верен своим принципам. Тем, кто валялся в грязи, но к кому грязь не прилипла.

– А ты таковая?

– Я сделаю всё, чтобы быть таковой.

– Я видел достойных, которым на долю выпадали большие несчастья. Может, и на это у тебя найдётся объяснение?

– Если бы жизнь была без бед, она была бы слишком пресной. Счастье заметно лишь тогда, когда на него смотришь через призму лишений. Представь, что мы живём в утопии. Девушки и парни влюбляются друг в друга крепко и на всю жизнь, нет необходимости постоянно заботиться о пропитании, как и нет необходимости напрягать волю. Всё радостно, всё идеально. Но мне ничуть не хотелось бы жить в таком мире, он слишком плоский и скучный.

– Конечно, куда лучше получать ножом по роже и ходить всю жизнь изуродованной. – Таис возмутился и бешено заморгал правым глазом. – Ты считаешь себя достойной?

– Да.

– А жизнь к тебе справедлива?

– Пока нет. Но я только в начале своего пути.

– То есть, по-твоему, ты только проходишь испытания?

– Ну, можно и так сказать. А что касается моего шрама, я сначала считала его пятном позора, но теперь я считаю иначе. Носить его на лице – жизненное испытание, и те, кто оставил его, сами того не зная, закалили меня, сделали сильнее.

Лукавый глаз Таиса искоса глядел на девушку, в то время как другой был пуст, как луна на ночном небе.

– Если бы ты узнала, что тебя ждёт впереди, и это что-то тебе не понравилось...

– Ты хочешь спросить, продолжила бы я свой путь?

– Да.

Над этим она ещё не задумывалась.

– Если бы это было гарантированное будущее, а не одна из возможных вариаций, я бы... я бы не поверила. А даже если бы и поверила, не покончила бы с собой из-за упрямства. Из-за воли к жизни.

– Даже если бы твоё существование стало пресным, как вода в нашем пруду?

– Пресным... – медленно проговорила Алика. – А вот тогда я не знаю, как бы я поступила.

– У меня сложилось впечатление, что ты много размышляла о жизни. А размышляла ли ты над своим будущим? Какой ты себя видишь?

– Такой же прекрасной и молодой, как и сейчас, – попыталась отшутиться девушка.

– Все вампиры не стареют, физически.

– Хм... ну-у-у, тогда... – Алика хотела сказать «любимой», но посчитала такой ответ слишком девчачьим и сентиментальным. – Я вижу себя уверенной смелой, и... и с чувством юмора. И я хочу, чтобы меня уважали. – Как назло эти слова прозвучали наивно и как-то по-детски.

В следующую минуту Таис смотрел в окно, а их разговора как будто и не было.

Глава 21

Отвлечение

Город, из которого приехали Илин и Алика, во многом оставлял желать лучшего. Однако с посёлком его было не сравнить. Побитые дороги здесь не шли ни в какое сравнение с городскими побитыми дорогами. Поэтому путь мог показаться комфортным только тем, кто путешествовал на внедорожнике, и это в очередной раз свидетельствовало о практичности Илин. Что же касается впечатления о посёлке в целом, то блочных и деревянных домов там было почти поровну. Были улицы и вообще сделанные под город. Иногда, как ни странно, на таких улицах появлялось неожиданное пятно в виде покосившегося деревянного дома-инвалида с завалившимся крыльцом и облезшей краской. Бывали и вовсе улицы, привлекающие внимание своей разномастной архитектурой. В посёлке были даже музеи, и некоторые даже очень хорошие, хотя маленькие и плохо субсидируемые. Были и места, где можно было прогуляться вечером, такие, как парки и дорожка вокруг уже знакомого читателю пруда.

Илин и Влад выбрали другое место. Парки, дорожки – это всё уже давно надоело обоим. Присыщенные жизнью и городами, они тянулись к нелюдимым, заброшенным местам, таким, которые соответствовали их внутреннему состоянию – состоянию опустошённости. Влад повёл её в заброшенный разваливающийся дом, стены которого были обклеены плакатами, а на полу лежал полуживой пожелтевший линолеум. Романтичное местечко для таких свиданий, кто спорит! Но они искали не романтики. Они ничего не искали, они плыли по течению или шли туда, куда их вели ноги. Хотя не всё так однозначно. Была одна-единственная вещь, которую Илин искала постоянно – отвлекающий фактор. Что-то должно было её мотивировать каждый день завязывать шнурки на своих кроссовках и расчёсывать то, что растёт у неё на голове. Такие действия, как переезд с одного места на другое: из города в посёлок или из посёлка в город и обратно, временно отвлекают от реальности. Отвлечения искала и Наталья, которая находила его в мелодрамах, а также Ирма, которая с головой зарывалась в соцсети. Соцсети, пожалуй, могут быть даже очень полезны, если использовать их умеренно, но что касается многосерийных мелодрам, почти все они слишком однообразны, чтобы показать что-то новое, тем более тому, кто ничего нового не ищет.

Встретив рассвет в заброшенном доме с видом на живописные гаражи, они поняли, что настала пора расставаться.

Тем временем Алика сидела в глубоком и очень мягком кресле. Она как-то плавно, почти незаметно для самой себя переместилась в него. Просто Таису надоело сидеть там, где у людей бывает кухня, и он предложил Алике перебраться в другую комнату, и, как стало понятно позже, это была его комната. Алика восприняла это перемещение по-своему. Она не видела в этом ничего, кроме более комфортной обстановки. Таис как мужчина ей совсем не нравился, и дело было не только в его специфической внешности, но также в пафосе, совмещавшемся с постоянным желанием спорить и что-то доказывать. За последние сутки девушка получила много новых впечатлений и, вместе с тем, успела заскучать. Собеседник, пытающийся привлечь её внимание самодавольной рассудительностью и умением ставить вопросы, прерывистые разговоры о чем-то важном и одновременно ни о чём – всё это было интересно только на первых порах. Близился рассвет, и Алика с нетерпением ждала возвращения попутчицы, мечтая о предстоящей дороге.

У Таиса каждой умной мысли сопутствовало непонятное замечание.

– А мы во многом похожи, – как бы невзначай заметил он. – Тебе так не кажется? – Он подошёл к спинке её кресла и наклонился над её ухом. – Ты ведь не была раньше с мужчиной. Это чувствуется по твоей скванности, – тихо прошептал он.

Алика не знала, что лучше ответить в такой ситуации: такого опыта у неё ещё не было. Она сказала то, что подумала:

– Приятно было поболтать, но я скоро уеду, и мы забудем друг друга. А поэтому отойди подальше и не смущай меня.

– Категоричная, даже слишком. Тебе это не идёт. – Он запустил свою руку в её волосы.

Ощущение от прикосновений было приятным, и в то же время оно настораживало. Алика на мгновение расслабилась, но тут же вскочила с кресла.

– Ах, мне очень жаль, что ты усложняешь себе жизнь. Ведь она такая длинная, устанешь ещё от этих предрассудков.

– Я лучше пойду, поищу Илин, – сказала она спокойно, но достаточно твёрдо.

– Глупая, где ты будешь её искать? У неё даже мобильного нет.

Алика уже была готова выйти из квартиры, как вдруг услышала шум ключей. Увидев Илин, она облегчённо вздохнула.

Глава 22

Спор

День был на редкость душный. Обычно так душно бывает только перед грозой. Надо отметить, вампиры устойчивы к перемене температуры, но терпеть не могут духоты. Минувя посёлок, упомянутый в прошлых главах, внедорожник привольно мчался по свободной трассе. В поисках занятия Алика открыла подростковый журнал, который купила ещё утром в киоске. Это был гламурный журнал – настолько гламурный, что там было больше рекламы, чем содержания. Весь журнал изобиловал умопомрачительными, совсем не применимыми к жизни, образами. Пролистав журнал, останавливаясь только на чем-то полезных статьях, пробежав пару статей о жизни знаменитостей и просмотрев лайфхаки по макияжу, она отложила его на задние сиденье.

– Не понравился? – поинтересовалась Илин. – В таких журналах обычно только одни красивые картинки.

– Не то чтобы не понравился, – задумавшись, ответила Алика. – Некоторые вещи было даже очень интересно узнать. Это подростковый журнал, и там было много ценных советов для девушек. Но в целом ты права: картинок действительно много. А вообще такие журналы покупают именно ради того, чтобы посмотреть красивые картинки. Но, будь моя воля, я бы очистила все гламурные журналы от навороченных образов и навязчивой рекламы. В целом журнал ничего, только больше тридцати минут я бы с ним провести не смогла.

– Значит, ты не любительница гламурных журналов?

– Наверное. Просто мне тоже надоело смотреть на степь. Как ты можешь так долго молча сидеть за рулём и даже не включешь радио?

Илин пожала плечами.

– Песни, которые там играют, меня раздражают, а новости мне без надобности.

– Ну, Илин. Какое равнодушие к жизни! Песни там бывают разные. Хотя я и сама редко нахожу то, что мне нравится, но иногда же нахожу. Политические новости я тоже не люблю, но там же говорят не об одной политике. Я наталкивалась на самые разнообразные передачи. Сейчас даже всё не вспомню. Ну если ты так категорически против радио, то я включу музыку с телефона.

Услышав слово «телефон», Илин как ошпаренная нажала на тормоз. Авто дёрнулось и остановилось.

– Дай сюда немедленно! – Она вырвала мобильник из рук девушки. – Моё упущение. Они же могут найти тебя по сигналу. Вот чёрт! И как я этопустила?! Ну что ты сидишь? Разбей сим-карту, выбрось аккумулятор. Вот на обочине камень валяется. Давай, Алика, пошевелись!

Алика, ни капельки не желая, чтобы её обнаружили, с поразительной быстротой разбила всё, что только можно было разбить, отшвырнула разможжённые внутренности телефона подальше от дороги и с чистой совестью снова запрыгнула в машину. Только после этого Илин стала дышать спокойнее.

– Ты не жалеешь о том, кто остался в прошлой жизни? – как-то спросила её Илин.

Алика задумалась. А было ли ей о ком жалеть? С Ирмой у них не было взаимопонимания, а одноклассники, после того как она заболела и перестала ходить в школу, почти с ней не связывались. И всё же она ответила, что скучает по некоторым людям.

– Не скажешь, по кому именно? Мне интересно, – вызывала её на откровенность собеседница. – Был ли у тебя кто-то?

– Не ожидала от тебя такого вопроса.

– Почему? Бессмертная – значит, не женщина? Мне тоже интересно, как и любой смертной.

Алике не хотелось отвечать, но уклониться от ответа она не сумела.

– Нет, у меня никого не было.

– А почему ты об этом так подавленно говоришь? Теперь-то у тебя точно вся жизнь впереди, – усмехнулась Илин. – Ты ещё много парней встретишь. Только постарайся, чтобы они были вампирами.

Алику не обрадовали её слова.

– Я и сама знаю, что встречу много, – невесело сказала она, – но мне бы хотелось одного и навсегда.

Илин с удовольствием покручивала баранку и улыбалась.

– Что? – спросила, наконец, Алика, не понимая, почему её собеседница так развеселилась.

– Обломаешься ты с этой любовью. Людям, вампирам – и тем, и другим – свойственно непостоянство. Я тебе даже больше ничего не скажу, потому что отсюда всё следует.

– Поживём – увидим. – Алике совсем не хотелось принимать на веру эти слова.

– О, как ты это говоришь – с вызывом! – заметила Илин. – Не злись на меня, девочка, я говорю то, что видела и по себе знаю.

– Ну ты же не всё видела, – снова не хотела соглашаться Алика.

Илин как-то неожиданно фыркнула.

– Пффф, эти твои вечные аргументы! Не придирайся к словам.

– Я говорю не о словах, а о сути.

– Спорим, в течение этого года, ты отречёшься от своих убеждений? – неожиданно предложила Илин.

– Спорим, – приняла вызов Алика. – Но почему мы спорим только на год? Как по мне, за это время ничего не изменится.

– Там, куда мы едем, много вампиров, а значит, и много разочарований, – расплывчато пояснила Илин.

Следующая остановка была на автозаправке. Как бы ни хотелось Илин контактировать с людьми, а всё же иногда приходилось это делать. Пока Илин суетилась по своим заправочным делам, Алика вышла из машины, чтобы немного размять ноги. Она стояла у машины, когда к ней подошёл парень на вид лет двадцати трёх-двадцати четырёх.

– Скажите, вы, случайно, едете не через деревню Нели? – спросил он.

Алика понятия не имела о том, какой дорогой они едут. И это было неудивительно: Илин любила держать интригу.

– Нет, мы едем не через Нели, – холодно заявила подошедшая владелица авто.

– Очень жаль, – расстроился парень. – А то я надеялся, что вы меня подвезёте. Просто такая неудача: свою машину разбил, а ехать нужно срочно!

Илин лишь надменно вскинула бровь.

Закончив с заправкой, она села за руль. Перед тем как завестись, она ещё раз окинула парня недружелюбным взглядом.

– Что ты так грубо ответила? – спросила её Алика, когда они уже тронулись.

Илин будто и сама не знала, что сказать.

– Ходят тут всякие! – буркнула она, не придумав ничего другого.

– Мы же не через Нели едем?

– Именно через Нели. Только попутчики нам ни к чему.

– А может, и правда, ему нужна помощь? – предположила девушка.

– А чёрт его знает! – махнула рукой Илин. – Всё равно мы уже уехали. Найдёт ещё к кому навязаться.

Внедорожник стремительно мчался вдаль, а из головы Алики постепенно изглаживался образ парня с заправки.

По обе стороны от узкой просёлочной дороги тянулся негустой лес. Отупляющая духота изнуряла. Близилась гроза. Илин не жалела газу. Она уже подумывала о том, где бы можно было укрыться на время. По опыту она догадалась, что простым ливнем здесь не обойдётся. Громовой раскат не заставил себя долго ждать. Он прокатился звериным рыком над головами путниц. Жёлтый зигзаг разрезал небо, и вода полилась, как из дырявого ведра. Дождь бил по деревьям, колотил по машине так, будто хотел выбить стёкла. Дорогу развезло. Машина увязала в грязи и вскоре заглохла. Путницы с трудом выбрались наружу. Илин, высоко поднимая ноги, ругалась на чём свет стоит. Алика с неугасаемым оптимизмом месила грязь, упорно продвигаясь вперёд.

Дождь стремительно набирал силу. По дороге тёк быстрый поток мутной дождевой воды, поднимая с земли грязь и глину. Вся эта картина напоминала небольшое наводнение. Воды было по колено. Плыли коряги, ветки и всякого рода мусор, принесенный с обочины, – словом, плыло всё, что только могло плыть.

В этом стремительном потоке безвольно барахталась мышь-полёвка. Грызун упорно пытался схватиться своими крошечными розовыми лапками за дрейфующую ветку. Наконец, зверьку удалось взобраться на трухлявую корягу. Казалось, спасение так близко. Волна от шагов Алики пошатнула неустойчивое судёнышко, и мышонок плюхнулся в воду. Зверёк упорно шевелил всеми четырьмя конечностями, но стихия была неумолима, а холодная дождевая вода парализовала и охладила даже горячее сердце. Лапки мышонка одеревенели, мордочка перестала дёргаться, пушистое тельце скрылось под толщей воды.

Для путниц непогода не представляла никакой опасности, но всё же была чертовски неприятной.

– У нас есть только один выход, – стараясь перекричать звуки ливня, сказала Илин, – пешком добраться до деревни и переждать непогоду в каком-нибудь из домов.

Лес был выше дороги, и идти было удобнее. Но тропинок было слишком много, без компаса не выбрать нужного направления. Забрели в трухлявые дебри. Деревья не спасали от дождя. Алика посмотрела на свою подругу по несчастью и разразилась смехом: Илин, всегда такая элегантная и серьёзная, сейчас напоминала мокрую кошку. Волосы прилипли к лицу, одежда давала возможность разглядеть фигуру, а по коже стекали грязные капли.

– Илин, как жаль, что сегодня тебе вряд ли удастся воспользоваться феном! – заметила девушка.

– Не смейся, тебе фен тоже не помешал бы. По крайней мере, у меня рога не торчат, – ответила Илин резонирующим тоном.

Алика провела рукой по голове – действительно, что-то торчало. Дугообразные палки вцепились в волосы и напоминали рожки чёртика.

– Действительно, как рога, – сказала она.

Илин ловко перепрыгивала через канавы и брёвна, Алика как могла поспевала за ней. Впереди виднелся угрожающий овраг. Обходить было слишком долго, даже конца не было видно. Немного промахнёшься – и выкарабкаться обратно будет очень сложно. Глубокий овраг со скопившейся внутри жидкостью был способен утопить человека. Но что до вампира, – всего лишь подождать пару дней, пока отвержки высохнут, а потом, впиваясь в землю когтями и клыками, выбраться на свободу. Илин разогналась и прыгнула. Правда, приземлилась она только одной ногой, другая была близка к тому, чтобы потянуть её вниз. Женщина согнула её в колене и развела руки, балансируя на краю. Убедившись в твёрдости почвы, она заступила вперёд и, миновав преграду, посмотрела на оставшуюся на другой стороне спутницу. Пришлось и Алике

прыгать. «Ну ничего, насмерть не расшибусь», – подумала девушка и, разбежавшись, прыгнула. Косые дождевые струи сбивали и толкали вниз, но всё же она смогла приземлиться, правда, каким образом – шмякнулась прямо у ног Илин, испачкав всю одежду в грязи.

– Чумазая, как чёрт, – сказала женщина и подала ей руку.

Дождь частично смыл грязь с Алики, однако спутавшиеся волосы напоминали воронье гнездо, на котором снова примостилось несколько палок и листьев. Дальнейшая дорога не сулила ничего хорошего. Кроссовка Алики застряла в грязи. После усердных, но ничем не увенчавшихся попыток освободить обувь от пут болотного царства она плюнула и отправилась дальше, босая на одну ногу. Ковылять таким образом оказалось крайне затруднительно. Прыгая на одной ноге, Алика наспех сняла вторую кроссовку и, не глядя, швырнула его куда-то в заросли. Раздался крик. Девушка посмотрела на Илин, по её лицу она поняла, что крик не послышался. Её попутчица сама ничего не понимала. Ветки хрустели, кусты шевелились. Тяжёлые шаги не заглушал даже шум дождя. Из запахов Алика чуяла запах какого-то зверя, то ли медведя то ли волка, она не разбиралась. Тем временем шаги приближались. Из-за кустов вышел приземистый старичок, за его спиной висело охотничье ружьё.

– Нельзя так обувью разбрасываться, – бодро объявил охотник.

На его лбу была заметна припухлость, Алике стало совестно. Охотник, не останавливаясь ни на минуту, продвигался вперёд. Обе путницы решили, что будет разумно следовать за ним, ведь ни одна из них не знала точной дороги.

– Вы, значит, не местные, – сказал мужчина скорее утвердительно, чем вопросительно. – Занесло ж вас в такую погоду в наши края! Ай-ай-ай, нехорошо!

Лицо Илин приняло драматичный вид. Она закивала головой:

– Да-да, занесло, даже не знаем, куда теперь податься. – Она украдкой подмигнула Алике.

Местный житель, по-видимому, был весёлого нрава, он махнул рукой, зазывая путниц с собой, и громогласно объявил:

– А приходите тогда ж ко мне.

Глава 23

Цена справедливости

Дом охотника находился на самой вершине холма. Нетрудно представить себе, каково было путником взбираться наверх, когда вода потоком стекала вниз. И пусть дождь уже шёл на убыль, всем троим пришлось несладко.

В доме их встретила пожилая женщина с пёстрой косынкой на голове. Она долго охала и причитала, жалуясь на то, что ливень весь урожай побьёт и разнесёт все дороги. Тем временем хозяин (его звали Тихоном), стягивая с себя мокрую куртку, кратко, но живописно рассказал о том, как охотился и как подстрелил волка, но из-за сильного ливня вынужден был оставить тяжёлую дичь. Рассказал и о том, как по дороге к дому ему встретились две до нитки вымокшие горожанки. «Да, не часто к нам сюда кого-то заносит», – удивилась Раиса (именно так звали жену охотника). Добродушная, как и её супруг, она предложила гостям переодеться. Илин неохотно согласилась, её не прельщала мысль надевать халат, который будет болтаться на ней, как на вешалке, но одежду сушить как-то надо было, и она неохотно влезла в пёстро-цветочное одеяние. Хлебосольная хозяйка также предложила ароматную сборную солянку и очень удивилась, когда горожанки, проделавшие такой долгий и утомительный путь, отказались от еды. Раису удивило и то, что, озябшие, они отказались даже от горячего чая. Вот уж невидаль! Для того чтобы как-то смягчить отказ, Алика и Илин сели за стол вместе с семейной парой.

Стены дома были полностью завешаны картинами с упитанными котами, поедающими пирожные, поющими карикатурными мужчинами и женщинами с вытянутыми носами и лицами. Были и другие смешные и чудоватые сюжеты, которые вызвали усмешку на лице Илин и улыбку у Алики.

Несмотря на дождь, с высоты холма было видно всю деревню, состоящую всего лишь из двадцати-двадцати пяти домов.

– А почему в вашей деревне так мало народу? – спросила Алика у хозяев.

– Ой, милая, сейчас во всех деревнях народу всё меньше и меньше! – бойко ответил охотник, прихлёбывая суп.

– Да не только в этом дело, – поспешно вмешалась Раиса. По выражению лица женщины было видно, что ей не терпится что-нибудь рассказать. – Во всём виновата чаша, – последнее слово она произнесла медленным вкрадчивым шёпотом.

– Чаша? – переспросила Алика.

Илин иронично уронила свою тёмную голову на руку и почему-то закатила глаза.

– Тот лес, в котором вы сегодня плутали, всего лишь скопление деревьев. А есть у нас и настоящая, тёмная чаша. И в этой чаше... – Она понизила голос. Алика толкнула локтём Илин, чтобы та не корчила недоверчивую гримасу. Пожилая женщина продолжила: – Там люди без вести пропадают, – наконец, тихо выговорила она.

Илин незаметно наклонилась к Алике и насмешливо шепнула:

– Ну, мы-то не пропадём.

– Вот и прославилась наша деревня дурной славой, – продолжала Раиса. – Знаю я одну сказку-легенду, в которой рассказывается о наге, обитающем в чаше.

– Ой, ой, завела старую пластинку, тебе лишь бы что-то рассказывать. – Дед сморщился и махнул рукой. Наверное, рассказы жены уже порядком ему наскучили.

– Кто такой наг? – поинтересовалась Алика.

– Наг – значит, человек-змея. – Дальше Раису было уже не остановить. Все уселись поудобнее в предвкушении долгой истории. С торжественным видом хозяйка начала:

– Когда-то, ещё до появления технологий, деревня Нели была не так мала, как сейчас. Почти у каждого хозяина была своя скотина, свой огород и свой участок в поле. Одним сло-

вом, хозяйство было натуральное. У тогдашнего старосты было два взрослых сына-близнеца. Одного звали Эльри, а другого – Лукас. Они были хороши собой и походили друг на друга, как две капли воды: оба светловолосые, синеглазые и стройные. Но как бы ни были братья внешне похожи, отношение людей к ним сильно различалось. Не то чтобы у Лукаса был скверный характер, просто его никто не любил. Люди чуждались его и сами не могли понять, почему. Не умел парень располагать к себе, не то что его обходительный брат-весельчак. Даже родители, и те недолюбливали своего сынишку Лукаса. Эльри же, напротив, притягивал к себе всех и с малых лет был окружён товарищами. Отец незадолго до своей смерти поссорился с нелюбимым сыном и оставил почти всё наследство Эльри. А бедному Лукасу досталась только бабушкина изба. Ничего ему не оставалось, кроме как поселиться в ветхом жилище. Но парень не отчаивался. Он решил построить себе новый дом, а сперва нужны были деньги.

Решил молодой Лукас устроиться в подмастерья к кузнецу. К несчастью, судьба распорядилась иначе. У кузнеца работников и так хватало. Пробовал Лукас устроиться, и к мяснику в помощники, и пастухом, и много кем ещё, но везде ему отказывали, объясняя отказ тем, что работников и так хватает. О новом доме пришлось забыть и подумать о хлебе насущном. Взяться Лукас гусей разводить. Вот выпустит он гусиную стаю пастись, а сам сядет на камень и смотрит на них. Гуси траву щиплют, весело гогочут, а Лукас всё думает. В те одинокие часы в его душе начала зарождаться злоба на людей — злоба за то, что его не любили и не принимали. Чтобы продать гусятину, он тратил полдня на то, что обходил все дома в деревне и предлагал свой товар. Дай Бог, два-три человека купят, а то, бывает, ходит Лукас весь день от одного дома к другому, а в кармане всё равно пусто. Только опустошение в душе от такой работы. День ото дня не легче. Ничего нового, а самое страшное – никакой перспективы.

Тем временем счастливцев Эльри, баловень судьбы, всю торговал. Мяса у него всяко-разно: и говядина, и свинина, и птица – всё, что душе угодно. Огород даёт богатый урожай, а в поле поспевают рожь и пшеница, жена-красавица и сын-умница. А Лукаса никто и знать не хочет. Когда стало совсем туго с деньгами, понёс он гуся к брату. Через большую неохоту понёс. Принёс и говорит: «Как-никак, а мы всё-таки родные братья. Не будь скуп, купи у меня этого гуся, дай заработать». Но Эльри ответил: «Зачем мне покупать у тебя этого гуся, когда в моём сарае полно птицы, а мои гуси ещё жирнее твоих? Пройдись, брат, лучше ещё раз по деревне, авось, кто возьмёт». И так ушёл бедный Лукас ни с чем. Разочаровался наш герой и в людях, и в справедливости. Разочаровался так, что хоть сердце из груди вырывать. Будущее не сулило ничего хорошего, и гусиный пастух решил повеситься. Пошёл он к старому дубу, приготовил верёвку, встал на табурет, залез в петлю и спрыгнул. Но не успел он испустить дух, как верёвку кто-то перерезал. Лукас шлёпнулся на землю. Когда бедняга оправился, его взору предстала лесная дриада, хранительница старого дуба.

– Ты зачем меня спасла? – спросил её Лукас.

– Ты не заслужил такой участи: жил ты по совести, людям зла старался не делать. И за это я тебя награжу.

– Как ты меня наградишь? – воспрянул духом пастух.

– Сделаю тебя богатым и счастливым. Вижу я, что ты хороший человек, да только сомнение у меня есть. Проверить тебя нужно. Есть у меня для тебя одно испытание. Возьмёшься пройти?

– Возьмусь.

– Устройся пастухом к брату и работай на него год. Если проработаешь, не отступишься, будешь богат и счастлив.

– Быть пастухом штука нехитрая, да вот только возьмёт ли меня Эльри на службу?

– Ты не волнуйся, я уж об этом позабочусь.

– Ну, тогда задача проще простого. Год быстро пройдёт.

– Служить брату лишь на первый взгляд легко, а на деле может и по-другому выйти, – сказала дриада. – Ступай; если выдержишь испытание, через год получишь своё счастье.

– А ты не обманешь меня?

– Слово дриады священо и нерушимо, – ответила лесная дева и скрылась из виду.

Лукас сделал так, как сказала хранительница дуба, и в тот же день пошёл к своему брату.

Сначала работать на Эльри было не трудно. Но потом Лукаса гордость заела. Ему не давало покоя то, что он был вынужден работать на зажиточного брата, имея то же право на наследство, что и Эльри. Тот поселил брата в сених, чтобы тому не нужно было каждый день возвращаться к себе в хижину, которая находится на другом конце деревни. Спать в сених совсем не почётно, но Лукас помнил слова дриады и терпел, стиснув зубы. Как назло, сени были не самым страшным испытанием. Хуже всего был маленький племянник, который любил приставать с вопросами: «Отчего, дядя, ты беден, а папа богат? Почему его любят, а тебя сторонятся?» Лукасу было невмозготу терпеть подобные вопросы. Почти невмозготу. Ответ на них он искал всю жизнь, да так и не нашёл его. Оставался только один месяц до конца срока, когда Лукас задумался: «А чем он гордится? Разве своим состоянием он обязан только самому себе? Нет, ему просто повезло. Разве я хуже его?! Нет, просто судьба со мной несправедлива. Так зачем мне мириться с жестокой судьбой? Я сам добьюсь для себя справедливости. Сегодня же я убью своего брата, а сам притворюсь им и буду жить в его доме вместе с его семьёй, и никто ни о чём не догадается, ведь мы похожи, как две капли воды».

Эльри возвращался с ярмарки через поле, где честолюбивый пастух пас скот. Лукас остановил его лошадь и, не дав брату опомниться, накинул ему верёвку на шею и удушил. Затем стащил с него новую одежду и надел её на себя. Свои же потрёпанные вещи натянул на мёртвое тело. Труп Лукас повесил на тот самый дуб, на котором хотел повеситься сам. Отряхнув руки, он вскочил на тележку и поехал к семье Эльри. «Жена, сын! – кричал он. – Случилось горе! Лукас повесился!» Вздохнула жена, удивился сын, но скоро забыли. Недолго пришлось Лукасу притворяться, на сороковой день после похорон к нему явилась дриада со словами:

«Я дала тебе возможность получить своё счастье, ты же позарился на чужое. Ты, словно подлый змей, жил у своего брата, завидуя ему и ненавидя его. Ты застал его врасплох, словно змей, притаившийся в траве. Ты поступил, как змей, и жить отныне будешь змеем».

Дриада обратила Лукаса в нага – человека, у которого вместо ног змеиный хвост. Люди изгнали его в тёмный лес. По сей день он живёт там изгоем – не человек и не змей, проклятый и отвергнутый всеми. Для того чтобы временно затупить свою боль, он мстит людям, которые не любили его и которых возненавидел он сам.

Раиса закончила повествование. Всю легенду она рассказывала серьёзно – так, как будто история Лукаса касалась именно её.

– Интересная легенда, но в ней не говорится, почему люди недолюбливали Лукаса, а Эльри – наоборот. Ещё мало сказано о характерах братьев, хотя, я считаю это очень важным, – сказала Алика, с видом не то чтобы сильно заинтересованным, но любопытным.

– На то это и сказка, милая, – объяснил дед, слизывая солянку с усов.

– Было – не было, решайте сами, я передала лишь суть. – Раиса весело развела руки и переключилась на другую тему: – А сколько, вы говорите, километров от города?

Глава 24

Что сказал всадник

Дождь уже не колотил по треугольной крыше дома. Алика сидела в темноте на железной кровати с продавленным пружинным матрасом и слушала стук редких капель о наружный подоконник. Однако её слух распознавал не только звуки сходящего на нет дождя. Он улавливал даже замедляющееся сердцебиение хозяев дома, мирно спавших в соседней комнате. Илин, ничего не говоря, поднесла что-то к губам девушки. Это была фляга. Илин позаботилась о том, чтобы им не пришлось голодать в пути. Сейчас Алика была всем сердцем благодарна ей. Она выхватила флягу и принялась жадно глотать.

– Спокойнее, спокойнее, – шептала Илин. – К чему так спешить? Успеешь ещё выпиться. Осторожнее, не пролей кровь на одеяло.

Когда Алика насытилась, она забрала флягу. Медленно закрывая крышку, она не сводила глаз с девушки. Почему-то от её взгляда Алике стало не по себе. Так Илин смотрела на неё впервые. Тонкие пальцы медленно закручивали крышку, слишком медленно, и она даже растягивала этот процесс. В её глазах была мягкость и что-то ещё, Алика до конца не понимала, что. Она не выдержала. Она не могла больше сидеть рядом с ней. Быстро нацепив на ноги те галоши, которые отдала ей Раиса, девушка вышла на улицу.

Там было спокойнее, только редкие капли иногда касались головы и лица. Они стекали по щекам, будто заменяя слёзы, на которые Алика была скупа. Она чувствовала себя бесконечно одинокой. Всё было так чуждо: и люди, и вампиры, и эта деревня, и этот бесконечный тёмный лес, простирающийся в тёмную даль. Звёзды светили своим вечно холодным хрустальным светом. Это был свет отчуждения. Так хотелось, чтобы рядом кто-то оказался, обнял, шепнул хоть что-то ободряющее! «И к чему я пришла? И куда иду? Что у меня осталось?» Ветер взъерошил густые волосы, хлестнул по бёдрам и ударил по щеке. Ответа как всегда не было, но за спиной послышался чей-то голос.

– Что, девочка, звёздами любишься? – Пожилая женщина положила свою тёплую руку на плечо Алики.

Девушка слышала, как медленно, но верно билось её сердце, и ей показалось, что это очень доброе сострадательное сердце.

– Я расскажу тебе ещё одну маленькую сказку. – Раиса стояла за спиной своей гостьи, та слышала её спокойное дыхание. Почему-то от этого дыхания Алике становилось легче. Женщина говорила приятным голосом, немножко шепелявя. – Когда-то жила одна юная мечтательница. Каждую ночь она смотрела на звёзды и думала: «Скоро я буду лежать в поле на мягкой душистой траве, пахнувшей земляникой и колокольчиками, и со мной будет мой любимый. Мы будем держаться за руки и смотреть на звёзды». Девочка выросла, её фигура оформилась. Сердце было переполнено нежностью и любовью, которая, увы, никому не была нужна. Девочка стала девушкой, пылкой и нервной. Она нуждалась в опоре, которую, увы, ни в ком не находила. Она не могла найти любимого, и тогда она нашла себе любимую.

– Что? – спросила Алика, но старушка только молча покачала головой и вошла в дом.

Ещё около минуты она, Алика, стояла ничего не понимая. Что за насмешка судьбы? И к чему здесь эта глупая, незаконченная сказка? Понять это Алика не могла, как и не могла понять многое, что с ней происходило. За последнее время с ней случилось слишком много всего из ряда вон выходящего. Быстрым шагом, едва ли не бегом, она пошла прочь с холма, не сказав никому ни слова. Да и что она могла сказать? Она не знала, куда она идёт и когда вернётся.

В деревне не было ни фонарей, ни какого-либо другого освещения. Стояла крошечная тьма, и только зоркие глаза вампира могли видеть так же хорошо, как и днём. Пахло сеном

и навозом. Обычный запах для деревни. Неспokoйные кузнечики стрекотали и прыгали. Холм был пологим. Алика стремительным шагом спустилась вниз. У подножия какой-то мужчина седлал коня. Скакун был неспокойным, и Алике показалось, что конь напуган. Он часто бил копытом и то и дело тряс головой. Его длинная волнистая грива блестела при лунном свете. Мужчина обернулся на звуки приближающихся шагов. Это был тот самый парень с автозаправки. Алика узнала его.

– А твоя подруга сильно поднаврала: вы не только проезжали деревню Нели, вы даже остановились в ней, – обратился он к девушке. И как он её так быстро узнал в темноте?

– Моя подруга просто не любит общаться с незнакомцами, – сказала Алика из вежливости.

– Дорога к замку Церион небезопасна даже для вампира, попутчики вам не помешают.

Он хотел ещё что-то сказать, но ему помешали: какой-то мужик спускался с холма, кроя парня матом. А тот, не намериваясь ничего отвечать, ловко вскочил на коня и, не задерживаясь дольше, поскакал прочь. Мужик, крепко поругиваясь, злобно грозил всаднику вслед, а после перевёл взгляд на Алику, но та быстро исчезла, будто растворилась во тьме.

Утром в дом на вершине холма зашла односельчанка. С полчаса женщина бранилась и причитала. По её словам, ночью у неё с мужем увели коня.

Глава 25

Новый попугайчик

События ночи оставили в памяти Алики нечёткий след. Многозначительный взгляд Илин, какая-то бредовая сказочка Раисы и тот парень с автозаправки – теперь всё это представлялось ей таким размытым и туманным. Вампиры никогда не спят, Алика дождалась утра полужёла и с закрытыми от нечего делать глазами. В таком положении она думала о всаднике, об Илин, пыталась представить то, как будет смотреть ей в глаза утром. Казалось, рассвет принесёт неопределённость и недомолвки. Странно, но почему-то Алика чувствовала себя виноватой. Виноватой? Хм... кто знает, быть может, автор не совсем точно передал её чувства.

Алика лежала на боку, отвернувшись к стене. Глаза Илин были открыты – почему-то она была в этом уверена. Первые мягкие лучи легко коснулись волос Алики. Каштановые прядки в лучах солнца отливали медью. Как часто бывает, вопреки ожиданиям, утро было безоблачным, и не только в плане погоды. Казалось, что все события ночи случились не взаправду. Илин вела себя как обычно, будто не было никаких странных взглядов, будто Алика не убежала ночью.

Когда в комнату вошла Раиса, чтобы пожелать доброго утра и узнать, как спалось её гостям, Илин с улыбкой на лице и усмешкой внутри рассказала, как всё было замечательно и какой приятный чистый воздух в деревне, особенно по утрам.

– А вот у нас ночью в деревне, у моей приятельницы, коня увели, – пожаловалась Раиса. – Породистого, кстати, а это среди нас, в деревнях, большая редкость, между прочим.

– Коня? Увели? Да вы что?! – поддержала разговор Илин. – Какое безобразие! И неизвестно, кто?

– Да кто-то не местный. Его даже теперь и опознать-то не опознаешь. В темноте лица не разглядели. Собаки лай подняли, да поздно уже было. Нечего собак-то на цепь на ночь сажать. Зачем тогда они вообще нужны? – рассуждала Раиса пока её гости заправляли кровати, разобранные на ночь для вида. – Вы передевайтесь, передевайтесь, – поторопила она девушек, – и приходите завтракать. Манка уже готова.

– Спасибо большое, – поблагодарила Илин, – но в машине, которую мы оставили на дороге, очень много еды. Мы боимся, что и так продукты испортятся. Спасибо большое за гостеприимство, но мы лучше пойдём. Нам ехать надо.

Раиса в очередной раз сильно удивилась, но ничего не сказала. И, кто знает, может, суевренная женщина и заподозрила что-то неладное.

Стоя у порога, гости попрощались с радушными хозяевами. Охотник в шутку и вместе с тем всерьёз пожелал Алике на будущее так не разбрасываться обувью. Девушка только грустно посмотрела на свои ноги, обутые теперь уже не в кроссовки, а в калоши.

Проходя по участку, огороженному жёлто-зелёным забором, Илин и Алика рассмотрели его так, как не могли рассмотреть вечером и ночью. Это был удивительный участок. За невысокой оградкой вполне непринуждённо располагались фигурки седобородых гномов в разноцветных колпаках. Они стояли в кучке, будто совещаясь между собой. По центру участка находился декоративный деревянный колодец, на котором готовился к взлёту гипсовый орёл серьёзного вида (и даже, как заметила Алика, слишком серьёзного для садовой фигурки). Недалеко стояла игрушечная ветряная мельница, по пояс взрослому человеку. Дул ветер, быстро крутились мельничные крылья, пригибались к земле белые цветы пушицы. Ярко-розовые кусты багульника купались в ещё не жарких рассветных лучах. Где-то поодаль на лавочке располагалась семья лягушек, укрывающаяся под зонтом от невидимого дождя. Была и незатейливая фигурка женщины-селянки, стоявшей у водокачки. У подола её синего платья крутились куры, гуси и маленькие поросята. Всё больше походило на дачный сад, нежели на деревенский двор. Всё

это было так знакомо и так по-детски уютно, что Аликой овладело светлое чувство ностальгии. А дорога звала. Звала, хотя и не сулила лёгкого пути.

Чернозёмная земля, вдоволь напитавшаяся дождевой влагой, то и дело хлопала под ногами. Из грязных лужиц мирно похлёбывали воду перепачканные поросята. Завидя приближающуюся Илин, они, будто почуяв что-то недоброе, истерично захрюкали и разбежались. Вампирша только рассмеялась.

– Никак не пойму: и чем я их напугала? – недоумевала она. – Выпучились на меня, прямо как дети. – Илин производила на детей странное впечатление. При виде вампирши они неотрывно смотрели на бледное восковое лицо, будто она предворительно их загипнотизировала.

Тонкая полоса деревянных домов прервалась. Уже знакома лесная дорога вела к оставленной машине. Ноги вязли в грязи. Это раздражало. Раиса и Тихон предлагали остаться и подождать, когда дорога подсохнет, но если бы гости ничего не ели второй день подряд, это было бы очень странно. Впрочем, ни Илин, ни Алика не жаловались на слякоть, а только изредка то ли вслух, то ли про себя бормотали «вот чёрт!» или «ну, вот блин!».

Воздух был влажным и свежим. Пахло дождевыми червями и почему-то карасями, хотя нигде поблизости озера не было видно. Зато можно было разглядеть другое, а именно – чёрный внедорожник, запачканный и увязший в грязи. Илин залезла в машину. Алика хотела последовать за ней, но спустя какое-то мгновение снова вылезла обратно с мечом в руке и с небольшой сумкой через плечо.

– Разве мы не едем? – удивилось девушка.

– Нет. По Сумрачному лесу на машине не проехать.

– По Сумрачному лесу? – переспросила Алика.

– Та чаща из сказки старушки, – хмыкнула Илин.

Алика всё равно не могла поверить, что они вот так просто оставят внедорожник на дороге.

– Что же будет с машиной? Мы же не навсегда в Церион. Вдруг, когда ты вернёшься, она тебе понадобится? Ну обязательно же понадобится!

– Поверь мне, – усмехаясь, сказала вампирша, – я не пропаду. Посмотри-ка на тот камешек, котрый спрятан у тебя в кармане. На него можно купить не только один внедорожник. А я знаю целую жилу с такими вот камушками. Так что беспокоиться не о чем. Кинем машину здесь и не будем ни о чём думать.

Алика пожала плечами, мол, ну что тут ещё можно сказать? Кидать так кидать.

Пока они говорили, рядом послышался какой-то шум. Обе путницы огляделись по сторонам – никого. Какая-то ветка свалилась сверху. Окинув взглядом деревья, на одном из них они заметили уже знакомую фигуру – это был тот самый парень, которого они встретили на автозаправке и которого Алика видела минувшей ночью. Сидя на толстой ветке, он с интересом наблюдал за ними.

– Я как раз вас ждал, – объявил он и, быстро спрыгнув с дерева, ловко приземлился рядом с Илин и Аликой.

– Ну и зря, – буркнула Илин. – Мы не берём попутчиков.

– Идти через Сумрачный лес вдвоём опасно даже для таких, как мы.

– Но не для меня. – Илин хлопнула по рукояти меча.

– Пусть идёт с нами, вместе, и правда, будет легче. – Алика сказала это достаточно громко, но её слова остались без внимания.

– Если бы я был один, я бы не стал искать попутчиков, но со мной сестра, и я хочу чтобы наш путь был как можно безопаснее.

Услышав про сестру, Илин смягчилась.

– Мне кажется, ты просто не знаешь дороги. – Она смерила парня строгим взглядом.

– А вы правы, я действительно её очень плохо помню.

Мысленно вампирша ещё упиралась на своём, но вслух всё же сказала:

– Если ты такой настойчивый, можешь идти с нами. Где твоя сестра?

Парень радостно хлопнул в ладоши и сделал знак следовать за ним.

– Он вампир? – незаметно спросила Алика, когда парень немного отошёл от них. Белые клыки она видела ещё ночью, но всё же она не была уверена. Мало ли что может показаться при свете луны?

– О дороге через чашу смертные не знают, – ответила Илин. – Он такой же, как мы.

Глава 26

Слёзы нага

Перешагивая стволы поваленных деревьев, трое пробирались по тому негустому лесу, который Раиса так утрированно назвала скоплением деревьев. Новый знакомый уверенно шёл впереди и вёл их куда-то.

– Где же твоя сестра? – не выдержав спросила у него Алика.

– Я оставил её не так далеко отсюда, а сам пошёл разыскивать вас, объяснил вампир с автозаправки. – Я сразу понял, что долго вы в деревне не задержитесь.

– Надоело ходить по посёлкам и по деревням. Пора и в замке пожить, – заметила Илин, перебираясь через какую-то трухлявую корягу. – Вот чёрт! Что нет никакого другого пути? И зачем нужно было оставлять сестру здесь?

Виктор пропустил её замечание мимо ушей.

– А вы, значит, из посёлка? – удивился он. – А я бы и не подумал.

– Нет, в посёлке мы были проездом. А так мы обе из города, – объяснила ему Алика. – Кстати, меня Аликой зовут. А это Илин.

– Я – Виктор, – представился парень. – Кажется, имя Алика означает «защитница», – заметил он украдкой поглядывая на девушку.

– Да какая защитница?! Я сама себя не смогла защитить, – невесело заметила Алика.

– На свете слишком много имён, и каждому люди потрудились придумать значение. Нет ничего удивительного в том, что почти все они положительные. Разве кто-нибудь захочет назвать своего ребёнка именем, которое означает что-то плохое? – неожиданно высказалась Илин. – Вот что означает имя Ангелина? «Ангельская». Я уверена, что нет такого имени, которое бы характеризовало своего носителя с наилучшей стороны. Хотя для некоторых такие имена выдумать бы стоило. Значение имени, по сути, ничего не значит и на судьбу ребёнка не влияет. Поверьте мне, за триста лет я в этом убедилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.